

Дорогие
Кириллу и Лере Вакар
на добрую память!
Елизавета Платоновна
Вакар-Матвеева

17/8-1991г.

Сколько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.
И стоит вдалеке мое детство,
Как с закрытыми ставнями дом.
В этом доме все живы-здоровы –
Те, которых давно уже нет.

Маршак, 1962г.

Е.П.Матвеева (Вакар)

Воспоминания о жизни моей семьи Вакар с начала XX века (1901г.).

Мой долгий жизненный путь полон счастливыми и тяжелыми переживаниями в разные периоды жизни. С годами забываются многие события, люди, даты...

Пережитое теряет свою остроту. Постараюсь записать свои воспоминания, хоть и поздно, и моей семье, то, что запомнилось с детства на всю жизнь. Дневников и записей я никогда не вела.

Глава 1. Моя родословная.

Мой отец - Платон Модестович Вакар происходил из древнейшего рода Вакар. Сведения о родословной рода Вакар записаны моим братом Николаем Платоновичем Вакар и родственником Модестом Ивановичем Вакар. Также есть некоторые сведения в русской энциклопедии издания Брокгауз и Эфрон 1903 г. в Петербурге. Все эти сведения, написанные без изменений, прилагаю к моим воспоминаниям.

В настоящее время в Советском Союзе встречается фамилия Вакар. С некоторыми из них мы встретились и установили нашу родственную связь. Так, в 1955 году в Киеве я познакомилась с Алексеем Алексеевичем Вакар (как оказалось, он двоюродный брат моего

отца) и его дочь Галиной Алексеевной Оболонской (по мужу), ее детьми Марией, Михаилом и Алексеем. В данное время в Киеве проживают эти внуки Алексея Алексеевича Вакар со своими семьями. Алексей Алексеевич умер в 1962г., а Галина Алексеевна в 1979 году,

В том же 1955 г. я встретила в Киеве еще с одной родственницей - Екатериной Платоновной Вакар, дочь Платона Алексеевича - брата Алексея Алексеевича Вакар. Платон Алексеевич родился в 1873г. в Смоленске.

Окончил физико-математический факультет университета в Петербурге. Работал школьным учителем в Земстве, в отделе народного образования, расширения больниц и госпиталей в Смоленске и Рословском уезде. После революции Платон Алексеевич работал в Горно, Облоно в Смоленске, учителем математики в школе. Во время войны 1941 г. эвакуировался в Тамбовскую область. Умер 70-ти лет в 1943 г. Его дочь Екатерина Платоновна живет в Киеве, пенсионерка, одинокая. Ее сестра Анна Платоновна с мужем проживают в г. Кишиневе, пенсионеры. (Умерли в 1959г.)

Алексей Алексеевич Вакар - врач, Как мы выяснили наше родство, я прихожусь ему троюродной сестрой.

В Москве в 1988г. я и Алеша (мой сын) встретились и познакомились с Вакарами: Модестом Ивановичем и Кириллом Борисовичем, нашими родственниками по линии папиного двоюродного брата Якова Яковлевича Вакар. О нем и его семье написано моим братом Колей в его родословной (в приложении).

Модест Иванович (1913-1989) полковник медицинской службы, фронтовик - участник Отечественной войны, орденосец, Б послевоенные годы работал в области авиационно-космической медицины в институте медико-биологических проблем (где работал мой сын Алеша в течении 20 лет)

Кирилл Борисович Вакар - физик, научный работник, зав.лаб. Ин-та атомной энергии им. Курчатова. С 1989 г.- пенсионер.

Модест Иванович и Кирилл Борисович - высокоинтеллигентные люди, энергичные, деятельные, с типично вакаровскими чертами характера. Оба очень интересуются и активно занимаются поисками сведений о своей родословной. Так, в Ленинграде Кирилл Борисович нашел в архивах изображение и описание Герба рода Вакар - в VI Книге дворянского сословия Российской империи. Он привез в Москву фотокопию этого герба, по которой Алеша сделал

рисунок в цвете, указанном в описании. Этот герб. хранится в нашей семье и я помещаю его в приложении к этим воспоминаниям.

+ + +

Наш прадед **Алексей Григорьевич Вакар** был владельцем родового имения в Могилевской губернии, Его сын. **Модест Алексеевич, папин отец, мой дедушка**, был военным, в чине генерала.

Командовал гвардейской артиллерийской резервной бригадой в Петербурге. Бывал на балах при дворе. Жил с семьей, имея свой особняк, выезд, несколько имений, Ездил за границу, привез из Лондона красивый фаянсовый столовый сервиз из 200 предметов. Впоследствии эта посуда была поделена между детьми. В нашей семье было много разного вида этой посуды и до сих пор частично сохраняется у внуков и правнуков.

Дедушка любил жить широко, азартно играл в карты. Проиграв почти все состояние, включая богатое приданое бабушки Надежды Платоновны, покончил жизнь самоубийством. **Бабушка Надежда Платоновна** была дочерью помещика Смоленской губернии Платона Скоробогатова. Портрет молодого Скоробогатова в парадном мундире в овальной золотой раме и два портрета, - деда в генеральской форме и молодой бабушки, выполненные маслом неизвестным художником, висели у нас в Киеве в гостиной комнате. В годы гражданской войны в 1919г папа передал их на хранение дяде Вите, когда мы уезжали в Ростов-на-Дону к тете - Анне Ивановне Вакар. Эти три портрета не сохранились, но у меня остались с них фотографии,

В семье дедушки Модеста Алексеевича и бабушки Надежды Платоновны было пять сыновей и две дочери, дочь Софья умерла в детском возрасте (у меня есть ее старинный акварельный портрет). Старший сын Николай умер в детском возрасте от скарлатины, занесенной в дом Детей Чайковским из училища правоведения, где в то время свирепствовала эпидемия. В доме деда Модеста Алексеевича, а потом и его брата Платона Алексеевича, - сенатора и, одно время, главного цензора (Тютчев посвятил ему одно из своих стихотворений) воспитывался будущий композитор П.И.Чайковский, привезенный матерью с Урала и отданный в Училище правоведения. Еще при жизни дедушки М.А. только двое из сыновей получили законченное образование - старший - Виктор (дядя Витя) окончил институт правоведения, дядя Вася - Василий Модестович окончил Александровский лицей. Оба уже работали. Отец мой - Платон Модестович заканчивал Николаевское кавалерийское училище. Двое младших детей - сын Анатолий и дочь Мария были еще подростками и учились в гимназии в Петербурге. Отец рассказывал, как в годы учения в Кавалерийском

училище с ним произошел такой случай: когда проводился смотр в присутствии императора, мой отец, галопируя в строю одноклассников, свалился с лошади на виду у всех.

Парад не был прерван, отец продолжал лежать на земле, а все лошади, на полном скаку его обходили, Император был недоволен, начальство училища было возмущено, и отец был наказан длительным карцером.

В связи со смертью отца - Модеста Алексеевича, и отсутствием средств, папа вышел в отставку по окончании Николаевского кавалерийского училища не, выходя в 7-ой гусарский Белорусский полк, и уехал на Украину к брату Виктору, который там жил и работал мировым посредником в городе Винница. Брат Виктор помог отцу устроиться на службу по тому же ведомству. Жили братья первое время вместе, пока оба не поженились. Семейная жизнь отца сложилась неудачно, жена ему изменяла, у них было трое детей, двое из них умерли в раннем детстве, а старший сын Александр умер позже подростком.

Папа - Платон Модестович ВАКАР

1853 – 1928

В городе Винница папа встретился с мамой, Евгенией Давидовной Лагутиной, которая в то время работала в женской гимназии классной наставницей.

Мама - Евгения Давидовна Лагутина (1870-1920) родилась в г. Белая Церковь Киевской губернии в семье Лагутина Давида Александровича, выходца из крепостных крестьян Курской губернии. Он арендовал сады и продажей фруктов, обеспечивал свою большую семью.

Мама была младшей в семье. Она с детства проявляла любознательность, имела очень хорошую память, большие способности в учении. Она отлично закончила 4-х классную церковноприходскую школу в г. Белая церковь и, по совету преподавателей, родители определили ее в Киевскую министерскую женскую гимназию. В Киеве мама жила в частном пансионе. Плата за обучение и пансион была большая. Мама окончила семь классов Киевской гимназии с золотой медалью, По тем временам такую награду получали единицы и не каждый год. В гимназии мама увлекалась русской литературой, наизусть знала "Евгения Онегина", Отдельные главы запомнила на всю жизнь. Её сочинения, как лучшие, читались в классе, По окончании гимназии, мама получила место классной наставницы в г. Виннице. Там мама бывала на вечерах дворянского собрания, принимала участие в спектаклях, имея музыкальный слух, приятный голос (она хорошо пела), имела привлекательную внешность.

Здесь мама познакомилась о напой. Они полюбили друг друга, папа оставил семью, жену и детей, возбудив дело о разводе. По тем временам это дело было чрезвычайной сложности, Папа с мамой стали жить вместе до развода, маме в то время было 23 года. В 1894 году родился брат Коля. Период жизни невенчанными у папы и мамы, особенно у мамы, был трудным, подчас мучительным, Мама скрывала свое положение от родителей. В то время незаконный брак очень осуждали и, боясь общественного мнения, даже доброжелательные общие их знакомые, приглашая к себе на вечер папу, избегали приглашать маму.

Разрешение на развод было получено спустя 2 года после подачи прошения. Тогда брак папы и мамы был оформлен, - они повенчались в Киеве, в Георгиевской церкви (постройка времен Ярослава Мудрого).

(В этой церкви, по рассказам папы, меня крестили, а в 1924 г. я венчалась с моим мужем - Дмитрием Николаевичем Матвеевым. Венчал нас священник - старичок, который меня крестил. Папа заранее узнал, что этот священник жив и служит в этой церкви. Но теперь эта церковь не сохранилась, на ее месте "вырос" высотный дом). С папой и мамой жил сын папы от первого брака Александр, по прозвищу - Шутка. На школьные каникулы он уезжал, обыкновенно, к матери. Там однажды он простудился, заболел и умер от сильного кровоизлияния из носа. Похоронен он на Байковом кладбище в Киеве. Ему папа поставил

памятник из черного мрамора с надписью, и сам папа был похоронен в этой ограде в 1928г. Теперь памятника и могил не существует, на их месте другие захоронения.

После развода папа получил назначение в город Васильков Киевской губернии и вместе с мамой и сыном Колей туда переехал. В г. Василькове семья прожила четыре года. Здесь родились мы - три сестры - Вера(1896г.), Надя (1898г.) и я, - Лиза (1901г.)

Родители познакомились в Василькове с Полиной Ивановной Данилькевич и мама с нею подружилась. Муж Полины Ивановны - чиновник, рано умер от туберкулеза, детей у них не было. Полина Ивановна стала моей крестной и в дальнейшем папа помог ей устроиться заведующей детдомом в г. Шпола Киевской губернии, где она работала много лет, занимаясь воспитанием детей-сирот, которые ее очень любили и звали мамой.

В 1901 году папа получил в г. Киеве должность в Земстве члена губернского по крестьянским делам присутствия (здание этого бывшего учреждения находится и сейчас на Софиевской площади).

Весной 1901 г. наша семья переехала в г. Киев, мне тогда было 2 месяца, Наде - 3½ года, Вере - 5 лет и Коле было уже 7 лет. Поселились мы в Киеве на углу улиц: Большая Подвальная и Бульварно-Кудрявская в 3-х этажном доме с балконом в сторону Сенной площади с рынком на ней - (теперь на этой площади палисадник и площадь переименована), но дом на углу этих улиц еще стоит. В этом доме мы прожили до 1906 года и у меня сохранились яркие воспоминания некоторых событий и эпизодов тех лет, о которых пишу дальше.

Бабушка - Надежда Платоновна Вакар

Внезапно овдовев, бабушка Надежда Платоновна осталась без средств и для уплаты долгов она распродала за бесценок с помощью родственников таких же неопытных, как она сама все уцелевшее движимое и недвижимое имущество. А на остаток небольших средств она с двумя младшими детьми переехала жить в Москву. Здесь бабушка жила в нужде, снимала одну небольшую комнату, никогда не роптала на свою жизнь и стойко переносила лишения и все трудности. Ее часто навешали товарищи старших сыновей, которые ее уважали и любили.

Впоследствии, когда младшие дети - дядя Толя и тетя закончили гимназию, стали взрослыми и обзавелись своими семьями, бабушка переехала жить в Киев к моему отцу -

Платону , в нашу семью, где и жила до конца своих дней, частично разбитая параличом. Я бабушку не помню, она умерла, когда я была младенцем.

Мама наша, Евгения Давидовна, очень тепло вспоминала бабушку, поражалась ее мужеству перед жизненными невзгодами, Надежда Платоновна, по словам мамы, никогда ни на что не жаловалась, имела исключительно терпеливый, добрый характер.

Похоронена бабушка была на Байковом кладбище в г. Киеве. Я нашла ее могилу много лет назад. На могиле - памятник черного мрамора с надписью золотыми буквами. А на боковой стороне памятника - надпись, даты смерти ее дочери Марии Модестовне Беклемишевой (по мужу). Её похоронили в этой же ограде, Но все это уже не сохранилось - на этом месте другие захоронения.

Глава 2.   Наша усадьба-дача в д. Белый Берег

Бывая часто в командировках по делам земства, папа познакомился с городским головой уездного города Радомысля Киевской губернии помещиком Гринцевичем. Объехав его владения (поместья), папе так понравилась красивая местность, слегка холмистая, чудесная природа - молодой лес, луг с небольшой речкой Иршой, все окружение и папа решил приобрести небольшой участок земли для устройства дачной усадьбы, чтобы обеспечить семью постоянным летним отдыхом. И вот папа договорился с Гринцевичем и приобрел у него под банковскую долгосрочную ссуду 10 десятин земли, т.е. 7 десятин под молодым смешанным лесом, одна десятина распаханной земли, 2 десятины луга с несколькими очень маленькими живописными озерами, окруженные ивами. В озерах этих водились караси, и папа иногда развлекался ловлей их сетями. На всей этой территории было два небольших холма - один, ближе к лугу, около десятины, был распахан под поле, а на другом холме папа заложил строительство дома. На подходе к лугу рельеф менялся, у спуска холма густо рос орешник. Этот приобретенный участок земли расположен был в 1/2 версте от небольшой деревни Белый Берег. Само название "Белый Берег" вполне себя оправдывало - эта деревня расположена на правом берегу реки Ирша, притоке реки Тетерев, впадающей в Днепр. Ирша очень живописная небольшая речка извилистая, с быстрым течением, дно неровное - то мели, то глубокие ямы, вода чистая и прозрачная, берега и дно - песчаные. Русло реки протекает среди заливных лугов с богатой растительностью. Сама деревня Белый Берег окружена рекой Иршой, заливными лугами, крестьянскими полями и лесами помещиков Гринцевича и

Мухина. На реке в центре деревни стояла водяная мельница, обслуживающая не только деревню, насчитывавшую не больше ста хат, но и соседние деревни. Мельница стояла у плотины очень живописной реки Ирша, окруженной ивами и с небольшими мостами через протоки. У меня сохранились съемки этих мест: на одном 100-летний старик-крестьянин, одетый в белую домотканую одежду с кошельком за спиной, идет по плотине; на другом снимке - я у мостика плотины. Жили в д. Белом Береге, главным образом, бывшие шляхтичи - крестьяне, занимаясь сельским хозяйством на своих песчаных, неплодородных землях. На ст. Ирша, при желании, многие могли найти приработок.

Водяная мельница на реке Ирша в Деревне Белый Берег.

В Белом Береге водяную мельницу арендовал еврей Гершка Малинский. Он жил с многочисленной семьей в своем доме недалеко от мельницы. Гершка имел вид патриархального еврея, ходил с пейсами, в лапсердаке и ермолке (черной шапочке). Жил не богато, трудясь как все крестьяне, имея небольшое хозяйство при доме. Человек он был добрый, порядочный и отзывчивый, крестьяне хорошо к нему относились и обращались к нему за помощью и советами. Он охотно помогал в их просьбах, а у самых бедных крестьян ничего не брал за помол зерна.

Домик Коли в лесу нашей усадьбы.

Гершка всегда был рад приезду папы, приходил к нам, очень интересовался городскими новостями и политикой и они с напой оживленно вели дружеский разговор. К нам он был очень внимателен и однажды в первый год нашего приезда в Белый Берег, когда я совсем маленькой очень заболела, он по своей инициативе нанял в деревне подводу, сам съездил за 9 км. в село Кухары и привез фельдшера. Папа и мама были тронуты его добротой. Семья у Гершка была большая, старший сын Шулим впоследствии открыл лавочку в деревне, что было очень удобно жителям деревни, Младшие дети, два сына Еська и Буська, возраста Коли, приходили играть летом с Колей. Не знаю, как сложилась судьба всех членов семьи Гершки, но самого Гершку постигла печальная участь - в первые годы гражданской войны Гершка был убит по дороге в местечко Малин, куда он ехал к дочери и сыну. Убит был крестьянами деревни Ялцовка, белобережские крестьяне не могли поднять на него руку, они его уважали и ценили как доброго и отзывчивого человека.

Приобретя участок земли, папа занялся его благоустройством в свободное от службы время.

Началось строительство дома на одном из холмиков. Дом строился несколько лет, капитальный из больших бревен, Крыша была покрыта древесной дранкой. Фасадом дом был обращен к лесу и большой дороге - тракту. В доме было 5 комнат - три больших: столовая, гостиная, спальня-детская и две поменьше, - папина комната-кабинет и комнатка Коли, Из

гостиной - выход на открытую большую веранду и сад. Перед верандой мама устроила цветник - клумбы цветов очень красивых разных видов. В гостиной был камин, который отапливал с другой стороны прихожую. Была кухня с комнаткой для прислуги, коридорчики и кладовки. В кухне - русская печь и плита с котлом, в котором кипятилось белье или варилась пища для животных. Под домом был построен погреб, где хорошо сохранялись к весне запасы овощей - картофель, морковь, и другие овощи. Вблизи дома был ледник. Зимой ежегодно набивался льдом, и он служил нам все лето для хранения продуктов и приготовления в праздничные дни мороженого.

Жить в Белом Береге мы начали летом 1904 г. и с тех пор всей семьей ежегодно отдыхали здесь каждое лето, вплоть до 1919 г. Из Киева мы ехали поездом по Козельской железной дороге 90 верст до станции Ирша, а от станции либо ехали на лошадях, либо шли пешком 4 версты до деревни Белый Берег чудесным сосновым лесом, который назывался Мухинским, по имени владельца, и, пройдя через всю деревню и ½ версты от неё, попадали в наши владения, в наш "райский уголок".

Из ближайших в округе селений мы знали миленькую деревню Стасевую в двух верстах от нас, а на противоположном, левом берегу реки Ирша очень большое село Зарудье, где была церковь, двухклассная приходская школа, водяная мельница. С одной стороны деревни примыкали огромные леса графини Браницкой, а с другого река Ирша. От нас деревня Зарудье была в 3-х верстах по прямой дороге лугом. Мама в этом селе находила прислугу: одна очень хорошая, молодая женщина по имени Текля, жила у нас года 4 - зимой в Киеве, летом приезжала с нами в деревню. Папа нанимал из Зарудья сторожа, а затем с расширением усадебного хозяйства пригласил для ведения хозяйства и для ухода за животными малоземельных молодоженов - Максима, по фамилии Лысый с женой Оленой, которые много лет жили у нас в отдельном домике-избе (во дворе) до 1919г.

Мои первые воспоминания о Б.Б. начинаются с 1904г., когда строительство дома и оформление участка еще не были закончены, мы приехали на лето и впервые поселились всей семьей в одной большой комнате (детской) окна которой выходили на юго-запад, против прорубленной в лесу аллеи. Аллея вела к проселочному тракту, сплошь песчаному, который шел от села Кухара (в 9 верстах от нас) через село Зарудье и через Белый Берег до ст. Ирша.

Дом еще не достроен, работает мастер, чудесный солнечный день. Мне 3 года, но в памяти и по сей день сохранилась картина маленького эпизода: мама хочет обрезать мне волосы, но я сопротивляюсь, громко плачу.

Все же маме удалось меня уговорить, и по сей день у меня хранится пучок золотистых волос, которые мама сохранила, как и первую мою туфельку.

Вспоминаю всегда с чувством благодарности родителям и судьбе за счастливые и беззаботные летние месяцы и зимние каникулы, проводимые в этом поистине "райском уголке" - нашей усадьбе-даче.

Кроме строительства дома, папа был занят устройством усадебного участка. С другой стороны дома (на северо-запад) был заложен сад фруктовый, а перед большой верандой разместили клумбы цветов, которыми ведала мама и вместе с нами детьми за ними ухаживала.

Папа увлекался этим делом, выписывая соответствующую литературу, стремясь создать хороший сад, хоть и на песчаной почве. Много было положено сил, и времени и денег. Все земляные работы с удобрением, навозом и посадка деревьев производились наемными рабочими. Было посажено много фруктовых деревьев хороших сортов, купленных в Киеве. Вскоре яблони, груши и сливы стали давать хороший урожай, а вишневые деревья почему-то не прижились и не плодоносили. По краям сада, у забора и на склоне холма были посажены кусты малины и крыжовника. Были большие грядки клубники. Её собирали почти все лето и мама варила варенье, а мы, дети, вкусно "паслись" на этих грядках. Папа любил сам срывать по утрам самые крупные ягоды и есть их со сливками от своей коровы. Все прекрасно росло, и через несколько лет вырос большой красивый сад.

У мамы было полно хозяйственных забот - накормить и нас и прислугу, и наемных рабочих, а также успеть во время сварить варенье на зиму из всех ягод, какие росли у нас в саду и из земляники. Земляничное варенье было мамино любимое. Мама покупала эту ягоду у деревенских жителей, которые приносили нам ее в "глечиках" - глиняных кувшинах прямо из леса, свежую, ароматную. Мы тоже ходили в лес, но больше там "паслись" на вкусной ягоде, чем собирали ее.

Усадебный участок был обнесен штaketным забором со всех сторон, с большими воротами в конце аллеи. Этот забор в дни отпуска папа сам с участием Коли ставил, прибывая штaketы, а мы девочки с увлечением красили его, также и высокие ворота.

Постепенно папа расширял хозяйства: были куплены коровы, лошадь, свиньи, птица, приобретены повозки, сани, всякая упряжь. Конечно, появилась собака и кошка, очень долго жила у нас дворовая собака Волчок, которую мы очень любили - похож был на сеттера, но темно-коричневой шерстью. В дальнейшем папа завел овец каракулевой породы. Из их шерсти была у него сшита бекеша, а потом папа увлекся разведением кроликов различных

пород. Рядом с садом недалеко от дома располагался хозяйственный двор, отгороженный от леса забором-жердями. На этом дворе был домик - изба, в котором много лет жил сторож-работник Максим Лысый с семьей. К этой хате был пристроен большой сарай-каретник и конюшня. Отдельно был построен сарайчик, курятник для кур, которых любила разводить мама. С годами все здесь совершенствовалось, благоустраивалось, хозяйство расширялось. Был построен амбар с весами и в конце двора большой сарай-конюшня и коровник. А за двором, ближе к лугу, построен сарай-клубня с током, где хранили и молотили снопы ржи. В конце сада рос дикий орешник, через который мы выходили на луг, принадлежащий помещику Гринцевичу, шли к реке Ирша купаться и кататься на лодке.

Мама и папа постепенно знакомились с жителями деревни Белый Берег. Знакомство сначала было на материальной основе - нужны были продукты питания - молоко, масло и другие продукты до тех пор, пока нас не обеспечивало свое хозяйство. Первыми знакомыми была почтенная семья Мурги. Мать семейства Федосья Мурга хорошая, красивая, уже не молодая женщина сразу откликнулась на просьбу мамы. Она продавала нам молоко и кое-что из других своих продуктов. А также помогала наладить связь с другими крестьянами, которые тоже продавали необходимые продукты.

Но многого купить в деревне не могли, так как деревня была не богата и всякую живность они берегли для своих нужд. Поэтому приходилось ездить маме на ярмарку в село Кухары за 9 км. за курами, мясом и т.д. Мы, дети, очень любили эти поездки, мама нас брала с собой. Все было очень интересно: - подводы, груженые всякими товарами, - домашняя птица, ведра с маслом, связанные свиньи, поросята, привязанные к телеге, - лошади, коровы и т.п. Всё это сопровождалось криками возчиков, - визгом поросят, кудахтаньем и пискотнями птиц. Особенно шумно было на ярмарке, где хозяева телег громко зазывали покупателей. Было все в движении, живо и весело, особенно в солнечный день.

Так как своего транспорта пока не было, мы не могли часто ездить за покупками продуктов, а нанимать было дорого, нам пришлось самим завести хозяйство: купить кур, уток, появились наседки и свои цыплята, откармливали поросят.

Связи с деревней росли, крестьяне относились к нам доброжелательно, как и мы ним. К маме приходили больные: жаловались: "Коло сердца болить..." - мама давала слабительное, и больные выздоравливали, давала советы от простуды, от всех несложных болезней, лечить которые научилась на нас, детях. Дома всегда была домашняя аптечка и мама щедро делилась

лекарствами со своими "пациентами". А к папе приходили крестьяне за советом юридическим и папа охотно старался им помочь.

У нас детей были у каждого обязанности: помогали маме в доме и в разных хозделах, а папа привлекал нас к работам в поле, в огороде и саду.

В жаркие, сухие дни мы поливали в саду фруктовые деревья; ежедневно по вечерам поливали цветочные клумбы и огород. Для этого носили воду из колодца ведрами и лейками, что было не легко, так как колодец был внизу холма - во дворе. Сад увеличивался, папа сажал разные сорта яблонь, груш, слив, деревья хорошо росли и плодоносили, всего было около 100 деревьев, Папа также привлекал нас к уходу за животными, каждому из нас были поручены животные по выбору. Так Коля ухаживал и вырастил лошадку. Папа случайно купил у проезжего крестьянина жеребенка 2-х месячного и подарил Коле. Коля кормил его из соски молоком и к концу лета Нанка - так Коля называл свою лошадку, приходила по утрам к его комнате, ржала и звала Колю покормить ее. Все мы очень полюбили её. Коля, а потом и мы все ездили на ней верхом. Банка выросла в красивую, небольшую, умную лошадку. Папа подарил Коле английское седло и у меня есть снимок - как Коля гордо восседает верхом на Нанке. А Надя изобразила карикатурно - Колю на Нанке (рисунок этот сохраняется у Нади). В гражданскую войну в 1919 году Нанка была убита осколком снаряда в сарае нашей дачи в Святошино во время обстрела и наступления петлюровцев. Вера выбрала уход за телятами, Надя за овощами, а я за птицей, которая жила в будке-курытнике. Потом, в последние годы, когда папа увлекся кролиководством, я стала ухаживать за кроликами. Папа развел несколько пород кроликов, покупал на выставках для еды и для шкурок - меха.

Количество их увеличилось до 50 штук. Мы должны были кормить своих животных, держать в чистоте их помещение.

Во время жатвы, в поле около дома, мы помогали работникам - научились вязать снопы и укладывать в копны. А на лугу помогали во время сенокоса. Убирать траву, - сено было самое большое удовольствие, - мы сгребали сено граблями (деревянными) в большие кучи, в которые мы зарывались с головой, шалили, пели, веселились. Но в тоже время мы помогали работникам, соревнуясь, кто скорее и больше сделает работы. А нами весело командовал Максим-молодой, красивый - наш постоянный работник. Папа всегда участвовал в уборке сена, сгребая его и заражая нас своим энтузиазмом. Отец вырос в городе Петербурге и был далек от сельской жизни и хозяйства, но он горячо любил природу и благодаря ему, в нас детях он на всю жизнь зародил любовь и уважение ко всему живому, растущему.

Мы - дети охотно приобщались к труду, так как нас не неволили, а вовлекали в работу, которая нам нравилась своею новизной, общим совместным трудом и полезностью и еще потому что мы были полны энергии и в каждом деле находили для себя долю игры, что нам взрослые не запрещали, а даже поощряли. Теперь можно в полной мере оценить разумный подход родителей, которые научили нас любви и уважению, ответственности ко всякому труду.

Приезжая в эти деревенские просторы, мы наслаждались свободой, рады были летом забыть о занятиях в городе. Время проводили среди чудной, красивой природы. В лесу, особенно в дальнем, соседнем, сосновом, Мухинском, - росло много земляники, черники и много различных грибов, от сыроежек до белых грибов. Ягоду мы любили есть, но не любили собирать, к тому же нам их ежедневно продавали деревенские ребяташки за небольшую плату. Но грибы мы любили собирать и устраивали грибные походы, главным образом в Мухинский лес, где росло много белых грибов. Найти белый гриб, да еще целое его семейство - было большой радостью. И в нашем молодом лесу тоже были разные грибы, больше сыроежки, а осенью мы собирали грузди и рыжики, которые мама солила и мариновала на всю зиму.

Наши белобережские развлечения были крайне разнообразны - сама жизнь в лесу среди красивой природы доставляла много удовольствия - прогулка и походы в лес, в поле, на речку Ирша.

Мы ходили купаться на речку Ирша несколько раз в день, Речка протекала на большом лугу в 5 мин. ходьбы от нашего дома. Это было огромное удовольствие. Река небольшая, не глубокая, но местами с глубокими ямами, быстрым течением, вода чистая, прозрачная, дно песчаное.

У нас было свое постоянное место для купанья, где хорошо было изучено дно, глубина и мы, научившись рано плавать (учила нас мама) плавали на этом расстоянии вверх и вниз по течению. Случалось, что заплывая дальше знакомых мест, попадали в глубокие места и ямы. Так однажды мама чуть не утонула, но, к счастью смогла сама выплыть, она хорошо плавала. А с братом Колей был такой случай: приехал к нам в гости двоюродный брат Толя Беклемишев и он вдвоем с Колей пошли покупаться. Толя выбрал место, где была глубокая яма и вместе с долей поплыли к ней. Толя отлично плавал, а Коля слабее и его стал затягивать в глубину водоворот, в который он попал, и он не мог выплыть, как ни старался. Спас его Толя, вытащив с трудом на берег уже без сознания и откачал его. Так счастливо закончилось это купание.

Папа сидит в саду около дома.

На реке была у нас лодка-шлюпка, которую поставили и привязали возле места, где мы купались. Мы научились грести и управлять лодкой, но скоро убедились, что могли совершать на ней прогулки только вверх по течению - в сторону деревни Б.Б. и то это было нелегко, так как часто застревали на мелях, и лодку приходилось тащить волоком. А вниз по течению, до села Зарудья не могли плыть из-за больших мелей, а вот однажды летом пошли сильные ливни и река вышла из берегов, залило луг. Коля сразу "загорелся" "прокатиться" на лодке до Зарудья и обратно. Он уговорил нас, сестер, и мы с радостью согласились, несмотря, на условие Коли ничего не говорить маме и вообще никому. Мы всей компанией, вчетвером (а мне тогда было лет 8) помчались к лодке и понеслись по быстро несущейся извилистой реке, а ветер все усиливался, сначала вырвалось весло из уключины у Нади и его унесло по течение. Она и Вера сидели на веслах, Коля на руле. Потом сломалось весло у Веры и вскоре ветер вырвал из рук Коли рулевое весло. Лодка была неуправляема и нас прибывало от берега к берегу с отчаянной быстротой и пригнало к селу Зарудью. Тут река уходила под шлюзы и нашу лодку понесло прямо в шлюз водяной мельницы.

Спас нас крестьянин, который стоял на берегу со священником. Они указывали на нас и что-то кричали. Крестьянин быстро вскочил в стоявшую лодку и бросился к нам наперерез, он успел перехватить нашу лодку недалеко от шлюза и подтащить к берегу. Мы вышли на берег, испуганные, но счастливые удачным исходом нашего плавания, но, не зная как нам вернуться домой. Помог нам священник, который пригласил нас к себе домой, пообещал отправить нас домой на подводе, а дело было уже к вечеру, матушка нас накормила, мы отогрелись и уже в сумерках поехали домой на подводе. Подъезжая к нашей усадьбе, мы увидели маму, которая ехала нам навстречу на повозке. Она весь день искала нас, вся в волнении и страхе за нас. Вот такие иногда "шалости" мы проделывали, доставляя не малые переживания родителям. Ведь мы бегали, всюду уходили от дома, занятые всякими развлечениями, инициатором которых был Коля, мама звала нас к обеду и ужину гонгом - ударами по железке. А развлечений и занятий разных было у нас много. Мы много читали, книг у нас было достаточно, больше было классики, но и с собой привозили разную интересную литературу. Читали всюду, больше сидя или лёжа на траве в лесу под деревьями, а иногда взбираясь и на деревья, где удобно устраивались. Увлекались игрой в крокет и играли с азартом. Особенно, когда приезжали товарищи и Толя Беклемишев. Площадку сделали в лесу около домика Коли. Любили играть в лапту, городки и другие игры. Часто играли в "принцессы и разбойники" и воображали все очень реально и с азартом "разбойника", ловили принцесс и пленниц привязывали веревками к дереву, да так, что у нее вызывало слезы. Около дома были качели, висел гамак. Когда приходили деревенские дети или девушки - то им тоже разрешалось покататься на качелях - для них это было впервые и доставляло удовольствие.

Папе нужно было отдавать долги за приобретенный участок - нашу дачу, а чтобы получать ссуду в банке, надо было иметь земельный ценз. Поэтому папа приобрел и Гринцевича необходимое для этого количество земли. Недалеко от нашего участка - это была порубь, стоила не - так дорого, на это папа снова получил ссуду в банке. Увеличив посевную площадь, папа расширил хозяйство - разных животных - лошадей, коров, овец, кроликов.

В этот период дополнительно отстроились сарай, амбар с весами и большой сарай клуня с током, веялкой, молотилкой, которые были потом приобретены. Сначала на току молотили снопы цепями, я научилась немного, т.е. пробовала молотить, но это очень тяжелая работа, молотили больше мужчины.

Папа постепенно построил на нашем участке 2 дачных домика. Один небольшой из двух комнат с верандочкой у самой аллеи в лесу. Папа этот домик потом подарил доле, когда

он был в старших классах и к нему летом приезжали товарищи. Второй дачный домик побольше из 4-х комнат с кухней и верандой папа построил вдали от дома на лесном участке и сдавал его летом дачникам, чтобы иметь средства для погашения банковской ссуды. А когда Коля был в армии и его домик тоже сдавали дачникам.

В 1912 году летом к нам в Белый Берег приехала из Варшавы тетя Анна Ивановна Вакар (вторая жена дяди Толи) с детьми – Алешей, - старшим сыном, Надей и Машенькой, которой было 5 лет. С ними приехала их старая няня, жившая в семье дяди 36 лет. Надя была на год старше меня (12 лет). С ними приехал брат Миша - студент-сын дяди Толи от первого брака.

Приехали на все лето. Вся наша семья и молодежь дружно веселилась. У меня сохранился снимок, как Коля, изображая парикмахера, стрижёт Мишу около дома, а также есть снимок Нади с овцами, и Дашеньки, сидящей рядом с дикой козочкой около будочки. Эту козочку случайно купили у пастуха, за нею ухаживала и очень любила.

Запомнился еще один эпизод того времени. Приехавшая двоюродная сестра Надя была очень бойкой, подвижной и самоуверенной девочкой. И вот, однажды ей захотелось показать нам свою храбрость. Во дворе у нас бегал большой, довольно свирепого вида кабан йоркширской породы. Надя поспорила, что прокатится на нем верхом по двору. Она улучшила момент, когда кабан рысцой пробежал около нас, вскочила на его спину и верхом, еле удерживаясь, проехала несколько шагов. Кабан дико рычал, стараясь схватить ее за ногу, и быстро стряхнул ее с широкой спины. Но Надя была горда, что все-таки выдержала пари, проехала, хоть вскоре упала.

Следующий приезд наших варшавских родственников был в 1915 году, летом, когда эвакуировали Варшавский университет в Ростов на Дону, а с ним всех сотрудников.

Анна Ивановна там работала акушеркой (дяди Толи не было в живых). В Белом Береге вся семья их снова провела лето в том же домике. Война 1914 г. продолжалась. В конце лета 1915 г. приезжал Коля в отпуск и побыл недолго в Белом Береге, а все мы (наша семья, вернулась в Киев к началу занятий). У меня сохраняется снимок, сделанный в то время в Киеве, где Коля - в военной форме с нами сестрами в гимназической форме.

Снялись по случаю приезда Коли с фронта в отпуск в чине прапорщика.

Сидим: Вера, Коля, я и Надя. Киев, 1915 год.

Домик Коли - несколько последних лет снимали Якубовичи - брат и сестра и их мать. Якубович Николай Иосифович был преподавателем латинского языка в мужской гимназии, а сестра его Наташа училась на каких-то курсах (не помню), оба они очень хорошо пели.

У Николая Иосифовича был красивый голос-тенор, а у Наташи сильный - меццо-сопрано. Мы с ними очень подружились и часто встречались в Киеве. Иногда, в хорошие летние вечера, мы собирались у дома на холме (в сторону аллеи) большой компанией с гостями - товарищами Коли, подругами Веры и Нади и частым нашим гостем Толей Беклемишевым и с нашими дачниками Якубовичами - играли во всякие игры, и сидя в дружном кругу, рассказывали разные истории, смеялись, веселились. Пели песни украинские и русские, и часто присоединялась к нам мама, которая хорошо пела, у нее был небольшой приятный голос. Часто она запевала, остальные подхватывали, и получался красивый, звучный хор. К сожалению, у меня и у Веры почти полное отсутствие слуха, но большое было желание петь и мы с нею садились так, чтобы нас не было слышно, если мы "врали". Ещё большим удовольствием была езда верхом на лошади. Научились ездить все мы на Колиной лошадке Нанке. А когда у нас было уже несколько лошадей, мы устраивали вместе поездки верхом на наших лошадях. Но когда приезжали к нам гости - товарищи или родственники, и

мы устраивали поездки - "кавалькады", - то лошадей наших не хватало и нанимали в воскресные дни у крестьян за небольшую плату. Но это было не легко и, тем более, что давали лошадей неохотно и похуже, непослушных, ленивых, либо старых. Сёдел у нас, кроме Колиного и Надиного дамского не было и мы садились на мешки с сеном или подушки, а вместо стремян - веревки и бесстрашно носились на наших "рысаках" по лесам и полям. Падали иногда, но кроме ушибов, травм не было. Поездки верхом на лошади были так увлекательны, веселы, что я на всю жизнь полюбила лошадь и езду на ней.

Запомнился такой эпизод: однажды, когда мы совершали кавалькаду с нашими гостями в соседний большой лес, принадлежавший тогда графине Броницкой, мы проезжали через село Зарудье, - со мной произошла такая "история": моя лошадь на полном ходу быстрой рысью споткнулась и упала на обе передние ноги, и я полетела через ее голову на дорогу, лошадь поднялась и побежала. Хорошо, что я не сильно ушиблась, и когда мне помогли поймать лошадь и снова сесть на нее, мы всей компанией продолжали нашу "скачку" на лошадях. Помню еще, как папа, видя мою любовь к верховой езде, подарил мне казацкое седло. Но я на нем мало ездила, так как это было незадолго до революции, последние годы отдыха в Белом Береге.

Глава 3. 1905 год

Следующее воспоминание переносит меня в город, в Киев, в нашу квартиру на углу Большой Подвальной и Бульварно-Кудрявской на 3-м этаже с окнами и балконом, выходящими в сторону Сенной площади. Яркие воспоминания оставили в моей памяти события 1905 года - то, что я видела.

В эти весенние дни 1905 года произошла первая в России революция. В Киеве начались беспорядки, еврейские погромы, демонстрации черносотенцев, которые шли по улицам с портретом царя Николая II, флагами и пением "Боже, царя храни". Мы всей семьей с балкона наблюдали эти шествия, которые я очень хорошо запомнила в свои 4 года. Но еще ярче в памяти встает картина погрома еврейских лавок на Сенной площади. Грабили лавочки евреев, их самих вытаскивали, били, когда они сопротивлялись, тащили все, что там было. Запечатлелась жуткая картина - толпа обезумевших жадных к легкой добыче людей, тащит из маленькой лавочки кипы материй, которые волочатся по грязи, а самого хозяина старого еврея в черном лапсердаке и ермолке избивают с остервенением. Разносится дикий крик,

вопли. И вдруг, мы увидели молодого еврея, который бежал по крышам лавочек, преследуемый дикими криками разъяренной толпы. Ему удалось проникнуть к подъезду нашего дома. Папа быстро одел свою тужурку с красными генеральскими отворотами (папа в то время уже был действительный статский советник), спустился вниз, успел открыть дверь подъезда и впустить преследуемого молодого человека, который стремглав помчался вверх по лестнице на чердак. Отец не впустил в дом никого из беснующейся толпы, благодаря воздействию своей генеральской куртки.

И вид генеральских отворотов преградил дорогу толпе. Так был спасен от самосуда один из многих евреев, пострадавших от реакции 1905 года. Этот год - 1905 - был известен многими крестьянскими восстаниями. И вот еще один эпизод, когда папа проявил стойкость, большую храбрость и человеколюбие. Папа работал в земстве членом губернской по крестьянским делам присутствия. Его командировали во главе комиссий из 3-х человек в села для улаживания конфликта помещиков с крестьянами. Приехав к одному из помещиков, который не хотел удовлетворить ни одного требования крестьян, комиссия не могла уговорить помещика пойти на компромисс до тех пор, пока крестьяне, вооруженные топорами, вилами и лопатами, не окружили дом помещика и не стали угрожать поджечь его.

Безвыходное положение заставило помещика согласиться на уступки. К разъяренной толпе для переговоров вышел безоружный отец. Он спокойно стал говорить о мероприятиях приехавшей комиссии, об уступках помещика и убеждал толпу разойтись и успокоиться, уверяя крестьян проследить за исполнением обещаний. Когда отец говорил, он слышал сзади слова: "Бей его!" Но, видимо, спокойная, убедительная речь отца подействовала умиротворяюще, все его слушали внимательно, поверили и разошлись по домам. Так отец проявил храбрость, принципиальность и с успехом ликвидировал этот конфликт в интересах крестьян.

В Киеве мы меняли квартиры по каким-то причинам и с 1905г. по 1907 год жили в другой квартире по ул. Сретенской в небольшом доме с мезонином. Одно время в этом мезонине жил наш двоюродный брат Юрий Корольков (который учился в Киевском университете), племянник мамы - сын ее любимой сестры - тети Груни, которая жила в г. Умани. Звали мы его - Юрчик и любили за мягкий, веселый и добрый характер (судьба его после революции нам неизвестна).

Глава 4. Жизнь на ул. Бульварно-Кудрявской

С 1907г. по 1911г. мы жили в другой квартире на улице Бульварно-Кудрявской (№ дома не помню) на 3-м этаже, в доме, расположенном в глубине от дороги. Перед домом был сквер, где я проводила время в играх, вместе с соседской девочкой немкой Эльзой. Эта немецкая семья жила напротив нашей квартиры.

Дом этот сохранился, но сквер стал беднее, меньше деревьев, цветов. Теперь напротив дома выстроено большое здание крытого рынка. За период жизни в этом доме у меня осталось больше воспоминаний. Запомнились некоторые моменты, эпизоды приезда и встреч с нашими родственниками. В эти годы в Киеве жил наш двоюродный брат **Николай Васильевич Вакар** (Коля) - сын дяди Васи из Тамбова (Василия Модестовича). Он учился в университете на юридическом факультете, часто бывал у нас, но был старше нас и держал себя солидно. Уехав из Киева, работал в Тамбове и дальнейшую судьбу его не знаю.

Приезжал к нам из Иркутска двоюродный брат Саша Беклемишев - старший сын тети Маши (папиной сестры), рано умершей, в Киеве. Саша служил нотариусом в Иркутске (о нем подробно пишет брат Коля - Николай Платонович в своей родословной). Запомнился приезд Саши с двумя охотничьими большими красивыми собаками - сеттерами, и сам Саша, высокий, красивый.

Помню и другого двоюродного брата - **Борю Вакар**, сына дяди Толи, младшего брата отца. Дядя Толя жил с семьей в Варшаве, был прокурором, умер в трамвае от разрыва сердца, после тяжелого судебного процесса, от первого брака у него было три сына - Володя, Боря и Миша. Мы знали только немного Борю и хорошо - Мишу, который приезжал к нам несколько раз и был в Белом Береге летом 1912г. Боря был в то время студентом Александровского сельскохозяйственного института (где-то на юге). Потом мы потеряли его след и только случайно узнали, что он жил в Сибири, кажется в Свердловске, был профессором. Он был женат на двоюродной сестре - дочери дяди Васи, - Надежде, которая умерла уже при Советской власти (подробности не знаю). Слышали, что в Москве живет и работает его сын **Анатолий Вакар**, научный работник, но мы с ним не встретились, не имеем общения.

В те годы хорошо запомнились приезды к нам в гости из гор. Фастова маминой сестры - тети Паши (Березина). Она была значительно старше мамы и казалась нам очень старой. Она запомнилась, в основном тем, что приезжала всегда с огромной корзиной, полной вкуснейших пирогов. Смутно запомнился один приезд нашей бабушки, маминой мамы, маленькой, худенькой старушки во всем темном.

Дедушку - отца мамы я не видела, не знаю, бывал ли он у нас в Киеве.

В этой квартире часто бывал наш двоюродный брат Толя Беклемишев, младший сын тети Маши (Марии Модестовны - папиной сестры). Мы его очень любили и всегда радовались его приходу. Тетю Машу я не помню, но по рассказам мамы и папы она была очень красивая, добрая, обаятельная, но жизнь у нее сложилась неудачно. Она вышла замуж за рязанского помещика Петра Александровича Беклемишева, погибшего впоследствии на постройке Великого Сибирского пути. У них было четверо детей. Тётя маша осталась без средств после смерти мужа с детьми, но в эту тяжелую пору жизни ей помогали братья - дядя Витя, служивший в Киеве народным судьей и мой отец. Тетя Маша болела - определили болезнь печени и в больнице на Андреевском спуске после операции она умерла. Ей было тогда 45 лет. Судьба детей сложилась по-разному. Старший сын - Александр (Саша) был беспутный малый, с трудом учился, ничего не закончивший, он с помощью дядей где-то работал, потом жил и работал нотариусом в Сибири (о нем подробно пишет брат Коля в своих воспоминаниях.)

Старшая дочь Ольга (Ляля) вышла замуж за кузена **Анатолия Викторовича Вакар** (сын дяди Вити) еще при жизни тети Маши.

Младшие дети, еще подростки Толя и Надя, и после смерти матери, продолжали жить одни. Толя по воскресеньям ходил обедать к дяде Вите, часто приходил к нам и мы с ним подружились. Он учился тогда в 4-м классе гимназии и, чтобы заработать на жизнь, давал уроки отстающим ученикам за плату. Мы очень любили его посещения, он умел очень интересно рассказывать про войну 1905г., сопровождая свои рассказы быстрыми зарисовками. Он был очень способным, хорошо рисовал карандашом. В дальнейшем он окончил Киевский политехнический институт и потом стал профессором, зав. кафедрой черчения этого института. Был женат на сестре своего друга Лиле. Детей у них не было. При отходе немцев из Киева во вторую мировую войну в 1945 г. Толя с женой ушли из Киева, потом мой брат Коля помог ему приехать с женой в Америку. Жил 10 лет у брата и умер у него. Похоронен на Кембриджском кладбище. Там же похоронена жена Толи, которая через 5 лет сама покончила жизнь.

В эти годы жизни на Бульварно-Кудрявской мы встречались с нашим родственником **Яков Яковлевичем Вакар** и его семьей. Яков Яковлевич был военным в чине генерала, директором Киевского кадетского корпуса, небольшого роста, седой.

Жена его была миниатюрной женщиной, очень приветливая. Это были добрые, радушные люди. Детей у них - было 12-ть и все высокого роста. К нам чаще других приходила

старшая, немолодая дочь Мария Яковлевна, мама с нею дружила. Мария Яковлевна осталась незамужней, посвятила себя воспитанию младших детей и помощи матери, средняя дочь Анастасия Яковлевна была крупной, высокой, представительной девушкой. Младшая дочь Ирина была тогда гимназисткой старших классов. Сыновей у Якова Яковлевича было много, но знали мы только Сергея, Бориса и Анатолия. Об этой семье пишет подробнее брат Николай в своих мемуарах.

Глава 5. Начало моего учения - гимназия

В этой квартире на Бульварно-Кудрявской начались мои занятия - Ученье грамоте с мамой, мне было 7 лет, а потом мама подготавливала меня к поступлению в гимназию. Маме стоило большого труда, а мне слез научить меня писать правой рукой, так как я от природы левша. Для этого она вынуждена была надевать мне на левую руку мешочек. В то время меня не приняли в гимназию, если бы я писала левой рукой.

В 1911 году я поступила в первый класс Фундуклевской женской гимназии. Мне было 10 лет, я держала экзамены по русскому языку и по арифметике в первый класс, минуя два подготовительных или, как их называли - пригготовительными. Мама хорошо меня подготовила.

Здание этой гимназии на углу Фундуклевской ул. (теперь переименована в Ленинскую) и Пушкинской улицы стоит и сейчас там же только с надстройкой в два этажа. Гимназии в то время были отдельно мужские и женские. Мои сестры Вера и Надя учились в гимназии Министерства просвещения, а я в гимназии Маринского ведомства, организованное матерью Николая 11 - Марией Федоровной, такие гимназии были в разных городах.

Однажды, когда я училась в 4-м классе, объезжая гимназии ее ведомства Мария Федоровна посетила в Киеве и нашу гимназию. Подготавливали нас к этому посещению заранее, чтобы мы выглядели опрятно одетые по форме, чтобы линия платья и передника были на одной высоте от пола. Все гимназистки встретили торжественно Марию Федоровну в большом зале, выстроившись колоннами по классам. Когда Мария Федоровна вошла в зал в сопровождении начальства гимназии и ее постоянного спутника молодого красивого черкесса в национальном костюме, все гимназистки присели в глубоком поклоне-реверансе.

Мария Федоровна была небольшого роста, одета во все черное - длинное до пола платье и с черной вуалеткой на шапочке, которая закрывала ее лицо. Злые языки говорили,

что таким образом она скрывает и другие недостатки уже немолодого лица. Мы больше смотрели на ее красивого спутника, который понравился всем девочкам.

Гимназии Маринского ведомства отличались от министерских по программе и по системе оценок. В них была введена двенадцатибалльная система оценок, в министерских была - пятибалльная. Цифра 11 равнялась - отлично, т.е. равнялась 5, по другой системе. 11 - значило отлично с минусом т.е.- 5-, 10 - хорошо, 9 - хор. с минусом и т.д. 6 - равнялось двойке.

Меня отдали в эту гимназию, т.к. мама считала, что здесь меньше требований и мне будет легче учиться. Я в детстве была слабого здоровья, и мама боялась для меня больших нагрузок. Врачи установили узость сосудов и запретили заниматься спортом, поэтому я мало могла ездить на велосипеде, кататься на коньках, хотя всему этому выучилась, но лишена была этих удовольствий из-за слабого здоровья.

Начиная с первого класса, в гимназии преподавалось два иностранных языка - немецкий и французский. Немецкий язык преподавал в моем классе старичок немец, который с увлечением рассказывал нам на немецком языке, почти весь урок, сказки своего сочинения и даже подарил нам эти книжечки. А мы, не слушая его, занимались, незаметно, кто чем хотел, но только в отсутствие классной дамы. Он не замечал, был уверен, что мы с интересом его слушаем, изредка вызывал, мало задавал, и в результате такого обучения я слабо знаю немецкий язык, вернее совсем не знаю. Французский язык был поставлен серьезнее, но и то недостаточно, чтобы им свободно владеть. Преподаватели остальных и главных предметов были очень хорошие, уроки проходили большей частью интересно. Особенно запомнились преподаватели - истории и географии, которые помимо учебников давали много нового, шире вели свой предмет, и мы на этих уроках внимательно слушали учителя.

Во всех женских гимназиях существовали классные дамы, которые вели класс с первого и до окончания гимназии (в мужских гимназиях - классных надзиратели).

В моем классе была классной дамой Мария Львовна Узембло. Мы её любили, она была образованная, справедливая, но строгая. Классная дама имела свое рабочее место в углу класса за отдельным столиком, который стоял так, чтобы классная дама могла видеть всех учениц и во время пресекать разговоры или какие либо проделки во время урока.

В таких случаях классная дама подходила к провинившейся и тихо требовала выйти из класса, прекратить разговор и т.п.

К приходу учителя классная дама клала на стол учителя журнал с отметкой отсутствующих учениц. Такой порядок облегчал работу преподавателя, ничто его не отвлекало от занятий.

Классным дамам и надзирателям мужских гимназий вменялось в обязанности следить за хорошим поведением учащихся не только в стенах гимназий, но и в общественных местах, на улицах. При выявлении тех учащихся, которые не соблюдают правил хорошего поведения, классная дама записывала фамилию, гимназию и класс учащегося. В гимназиях были установлены свои правила и распорядок, которым обязаны были подчиняться гимназистки и гимназисты.

В моей гимназии - старшей была начальница гимназии. При встрече с нею в коридоре или зале, учащаяся должна была присесть в реверансе (глубокий поклон), также и с другими преподавателями - всегда первой надо было остановиться и поклониться, - присесть в реверанс. Во время перемен 10-15 минут не разрешалось "носиться" с криком по коридорам, а тем более бороться, драться. Следили за этим дежурные классные дамы. Во время большой перемены мы завтракали в классе своими бутербродами, вода всегда была в графине в классе. Кто хотел, мог купить в буфете пирожное, бутерброд, выпить стакан сока. Нам давали дома каждый день 5 коп. на завтрак, помимо домашнего бутерброда. Во время перемен, дежурная по классу ученица проветривала класс, открывая окно, все выходили, дверь закрывалась и дежурная никого не впускала до звонка на урок.

За большие провинности гимназистка получала в наказание, смотря по степени вины: снижение отметки за поведение в дневнике, оставление на час после окончания уроков или вызов родителей.

Наряду с другими предметами, преподавался урок закона "Божьего" Его преподавал гимназический священник, когда священник входил в класс, все вставали, дежурная по классу выходила к иконе, висевшего в углу и произносила молитву "Отче наш иже еси на небеси, да святится имя твое..." После этого мы садились, начинался урок.

Учили мы катехизис и историю церкви, но с годами у меня не сохранилась ничего от этих уроков, кроме 10 заповедей.

В праздничные дни священник проводил богослужение в гимназической домово́й церкви. В этой церкви мы исповедовались и причащались. В гимназии учили верить в Бога и заставляли учащихся соблюдать принятый порядок. - Утром перед занятиями все классы собирались парами по классам в актовом зале. Перед иконой в углу зала, дежурная ученица читала - молитву, хор девочек-гимназисток пел - "господи помилуй" и другие песнопения, после чего все расходились по классам.

В гимназиях учились дети не только богатых, состоятельных людей, интеллигенции, но и дети других сословий и национальностей. Так, например, моя мама была из семьи

мещанского сословия, в прошлом из крестьян. Она окончила с золотой медалью Киевскую женскую министерскую гимназию, в этой же гимназии учились мои сестры - Вера и Надя.

В моем классе учились дети разных сословий, дети сиротского пансиона ведомства Марии Федоровны, сироты простых крестьянских семей, осиротевших после войны и другие, а также было несколько учениц - евреек. В параллельном классе - учились дети более привилегированных семей пансиона типа института благородных девиц этого же Саринского ведомства. У них и форма была институток - платье красного цвета из плотней ткани до пола, черные закрытые передники и нарукавники, большие белые воротники с бантом впереди. парадная форма - с белым передником. Это было очень красиво, хоть и просто, из грубого материала, ботинки черные на низком каблуке. А на улицу выходили в черных суконных полупальто с черной шляпкой-тиролькой. Нам, девочкам очень нравился такой "наряд" и мы им завидовали.

Во время войны 1914 года в гимназиях организовали добровольные отряды юнгскаутов и герлскаутов. Давали им ферму и обучали военным навыкам, правилам.

Отряды эти совершали походы, марши, после занятий и в свободные дни ночевали в палатках.

Несколько девочек из моего класса вступили в такой отряд. Я умоляла маму разрешить мне туда поступить, но мама решительно, по каким-то причинам была против, и я горько пережила этот отказ. Обучение в гимназии было платное, плата вносилась не малая, мне помнится - в моей гимназии плата была - 50 руб. Конечно, не все могли платить такие деньги (мелкий чиновник получал 25 руб. в месяц).

Но гимназия оказывала помощь малоимущим, некоторых освобождали от платы за учење, другим уменьшали сумму. Устраивали благотворительные вечера с лотереями в помощь неимущим, к большим праздникам делали подарки бедным - обувь, одежду.

В гимназии я училась средне, память у меня с детства была не высокая и из-за этого надо было много трудиться, запоминать. После окончания семи классов я продолжала учење в дополнительном 8-м классе для получения аттестата зрелости по программе мужских гимназий, что давало право тогда поступать в высшие учебные заведения. Мне очень нравилось учить латынь в этом классе, и я ее хорошо усваивала, получала высшую оценку - 12 и внимание латиниста, который подарил мне на прощание свою карточку - портрет с надписью.

Сестры мои Вера и Надя, как я уже писала, учились в другой гимназии - Министерской по ул. Терещенко, - сейчас там тоже какое-то учебное учреждение. Эта гимназия была

смежная с мужской, отделялась высоким кирпичным забором от территории 1-ой мужской Александровской гимназии, где учился брат Коля.

Через забор влюбленные гимназисты перебрасывали записочки гимназисткам, залазили на забор во время перемен. Но, конечно, за ними "неусыпно" следили надзиратели и наказывали.

Надя поступила в подготовительный класс Киевской министерской женской гимназии в 1907 году. Вера в этом году уже училась во втором классе той же гимназии. Коля - в 5-ом классе 1-ой Киевской мужской гимназии.

В гимназию Надя поступила девяти лет и, закончив 8-ой педагогический класс (проучилась 9 лет), окончила гимназию в 1916 году. Надя хорошо училась, любила гимназию, так как в гимназии преподавали прекрасные учителя, о которых она вспоминает с благодарностью. Надя рассказывала, что в младших четырех классах преподавала старая учительница. Однажды после Надиного ответа у доски, ставя отметку в журнал, сказала: "ответ хороший, но тебе далеко до твоей мамы, она была прекрасной ученицей".

Оказывается, мама училась у этой учительницы. Действительно, мама была человек больших способностей и закончила эту же Министерскую гимназию с золотой медалью. Ее имя – **"Евгения Лагутина"** с золотыми буквами - украшали, наряду с другими немногими медалистами, белую мраморную доску, висевшую в большом актовом зале гимназии. Сестра Вера очень хорошо училась в гимназии. Она прекрасно писала сочинения, обладала хорошей памятью и очень любила изучать французский язык, хорошо им владела и в дальнейшем она закончила в Тбилиси курсы иностранных языков, - французское отделение. Весной 1914 года Вера закончила 8 классов и поступила на Высшие женские курсы. Летом 1914 года вместе с нашей хорошей знакомой учительницей маминой приятельницей - Надеждой Ильиничной поехала за границу - в Германию, Швейцарию. Эта поездка была подарком Вере от родителей по случаю отличного окончания гимназии.

Но случилось непредвиденное, их поездка прервалась: - 9 августа Германия объявила войну и это сообщение застало наших путешественниц в Германии в гостинице в Баден-Бадене. Надежда Ильинична обратилась в русское посольство с просьбой помочь выехать на родину, в Россию. Много было русских, которые, как и они, добивались разрешения на выезд из Германии. И только через месяц было получено разрешение, и Вера с Надеждой Ильиничной с трудом вернулись в Киев через Швецию.

Не обошлось у Веры и Надежды Ильиничны в Баден-Бадене без приключений. Как-то Вера, сидя в гостинице у окна от нечего делать, принялась рисовать чернильницу, стоявшую

на столе. Вскоре постучали в дверь, вошел военный и объявил Веру арестованной, как шпионку, считая, что она рисовала планы. Вере и Надежде Ильиничне пришлось идти в комендатуру в сопровождении вооруженного конвоя. По дороге толпа зевак немцев кричала вслед "шпионка" и бросали в них камни.

В комендатуре начальник оказался умным человеком, посмотрел "вещественное" доказательство шпионажа - рисунок чернильницы, услышал объяснение по-немецки Надежды Ильиничны, прекрасно владевшей иностранными языками, и отпустил Веру, сказав - "видно же, что это детская рука". Так благополучно закончился этот эпизод.

Когда Вера была уже в 6-м классе, а Надя - в 4-м, в гимназии появился художник Николай Мартынович Домбровский, который стал преподавателем рисования, как необязательного предмета. Желающие заниматься оставались после уроков два раза в неделю. Эти уроки оплачивались дополнительно. Вера захотела рисовать и стала делать успехи.

Надя помнит ее рисунок - очень хорошо нарисованную утку цветными карандашами. Вера настолько увлеклась рисованием, что упростила папу купить ей масляные краски и этюдник. Этими красками Вера очень удачно делала копии с открыток - пейзажи. Папа оформлял Верины картины в позолоченные рамы. Они висели в гостиной и в других комнатах, но не многие сохранились, некоторые из них и сейчас украшают стены квартиры ее дочери Наташи (Капелька) и внучки Майи.

У нас всех детей оказались способность к рисованию, но никто из нас не получил специального образования - не стал художником, хотя каждый, по своему занимался временами любимым искусством. Больше всех я хотела получить художественное образование и мечтала после гимназии поступить в Строгановское Училище в Москве, - сейчас это Строгановский институт. Моим мечтам не суждено было осуществиться, помешала революция, об этом пишу дальше.

И снова о моей гимназии. Кроме основных предметов - русский язык и литература, математика, история, география, физика (химия тогда в гимназии не преподавалась), иностранных языки и язык закона Божьего. Обязательными предметами, уроками были: урок пения, урок гимнастики, танцев, урок рукоделия. У меня сохранились листочки из тетради с нашитыми образцами разных швов шитья и вышивки на кусочках материи. По ним нам ставили оценки и, таким образом мы учились необходимыми навыками шитья. В конце обучения - обязаны были сшить или вышить готовое произведение.

В старших классах моей гимназии были уроки рисования, но в отличие от Министерской гимназии уроки эти были обязательными предметами и входили в расписание, но не чаще одного раза в неделю. Преподавал художник по фамилии Миллер, больше о нем ничего не знаю. Преподавал он скучно, ставя натуру - какой-нибудь простой предмет или гипсовые головы-бюсты. Рисовали только черным карандашом, никакими красками и даже цветными карандашами мы не рисовали. Весь класс мой не любил эти уроки, больше занимались посторонними делами, когда отсутствовала классная дама.

Только несколько девочек, человек шесть, и я в том числе, серьезно слушали и выполняли задания. Поэтому преподаватель занимался и уделял внимание, по существу только им.

Эти уроки мало дали мне знания и не запомнились. В гимназии были введены уроки танцев, которые проходили в большом актовом зале под музыку пианино. Там же проводились уроки гимнастики специальным преподавателем в специальной форме.

В гимназиях устраивались вечера с танцами, иногда под музыку военного оркестра, приглашались гимназисты старших классов мужских гимназий. Все были нарядно одетые, но в гимназической форме - девочки в белых передниках, мальчики в мундирах. Мужские гимназии тоже устраивали такие вечера. Мне не пришлось принимать в них участие, так как в старших классах я училась уже в революцию, и никаких вечеров тогда не устраивалось, - но об этих годах пишу дальше.

+++

Брат Коля, старший в нашей семье, был очень способным, сам научился читать в 5 лет, выучил азбуку, слова по газетам. Учиться поступил в первую Киевскую классическую мужскую гимназию. Директор гимназии в те годы был Стороженко. Учился хорошо, легко, больше всех предметов любил уроки словесности, литературы, которые вел очень хороший, интересный преподаватель Батуев. Коля отлично писал сочинения, которые, как лучшие, читались в классе на этих уроках. В те годы, на год старше Коли учился в этой гимназии будущий знаменитый писатель Паустовский. Коля тогда его не знал. А из Колиного класса стал известным писателем-драматургом Ромашев, товарищ Коли. Писатель Булгаков тоже окончил эту гимназию, учился также у преподавателя Батуева. В старших классах Батуев организовал драматической кружок. Коля и Ромашев с увлечением участвовали в

театральных постановках. В "Женитьбе" Гоголя Ромашев играл роль Подколесина, а Коля его друга Кочкорева.

В гимназии устраивались иногда вечера, очень торжественные с приглашением гостей, родителей. Ставились спектакли силами учащихся, часто пьесы Чехова и другие, Коля всегда в них участвовал и показывал незаурядные актерские способности. Выступал он также как чтец небольших чеховских рассказов.

Коля одно время увлекался футболом, гимназисты играли во дворе гимназии, а в старших классах перед окончанием гимназии футуризм, которым в то время была увлечена молодежь. У Коли были хорошие художественные способности, он хорошо рисовал, но из него, как и из нас всех сестер - не вышел художник.

В 1913 году Коля окончил 8 классов гимназии и в этом же году поступил в Московский Университет на филологический факультет (у меня есть его фотография тех лет в студенческой фуражке). В Москве он увлекался театром и даже держал экзамен в МХАТ, куда был колоссальный конкурс. И не прошел только потому, что будто бы не достаточно отчетливо выговаривал букву "Р" (никто никогда этого не замечал.)

В университете ему не пришлось долго поучиться - помешала война в августе 1914 года.

Глава 6

В 1913 г. празднование 300-летия дома Романовых, проводилось празднование Дома Романовых. В честь царевича Алексея в Киеве к этим торжествам на части территории Киевской 1-ой мужской гимназии строился дворец имени царевича Алексея (теперь музей революции) на Владимирской улице, царская семья в полном составе прибывала в Киев и для торжественной ее встречи по пути следования выстроены были колонны людей. Гимназистки Министерской им. святой Ольги женской гимназии стояли шеренгой на тротуаре Владимирской ул. у выстроенного дворца им. царевича Алексея. Нарядные, в белых передниках... При появлении экипажей с высокими гостями гимназистки должны были застыть в книксене (приседание с поклоном). Сестра Надя была в числе этих гимназисток и так описывает впечатления этого события в своих записках: "перед нами проехала в экипаже вся царская семья:- царь Николай 11, Александра Федоровна, царевич и три дочери. Ехали медленно в открытом фаэтоне. Царица и все дети в белом и в белых больших шляпах.

На следующий день старшие классы женской министерской гимназии стояли вдоль лестницы на этаж Первой мужской гимназии для встречи Николая 11. Мы должны были присесть в глубоком поклоне, но, конечно, смотрели во все глаза на царя. Он был в обыкновенной защитного цвета гимнастерке, подпоясанной поясом, небольшого роста, бледный, усталый, с бесцветными, грустными глазами, ничего царственного, обыкновенный, рядовой человек.

Моя гимназия Маринского ведомства встречала царскую семью на Владимирской горке. По одну сторону аллеи были выстроены шеренга женской гимназии, по другую мужских. Все гимназистки были в парадной форме в белых передниках. Мой класс (третий) стоял шеренгой в конце центральной аллеи, недалеко от выхода из сада на царскую площадь (ныне - Ленинскую).

Царь с семьей и свитой шли пешком через весь сад от улицы Владимирской до Царской площади. При прохождении царской семьи мы должны были присесть в низком поклоне, опустив голову. Но, конечно, любопытство было сильнее и мы, присев, смотрели во все глаза на проходивших мимо нас царя и его семью. Впереди шел царь Николай 11, рядом с ним мальчик, его сын, - царевич Алексей, которому тогда было лет семь. За ними несколько человек свиты, нарядно одетые. Сам царь был одет просто, - не по царски, в гимнастерке, защитного цвета, с погонами, подпоясанный кушаком, в галифе и сапогах, на голове - солдатская фуражка. Царевич Алексей был в матросском костюмчике в бескозырке с ленточками, царь шел медленно, изредка кланяясь, не разговаривая.

На некотором расстоянии от него и его свиты шла царица Александра Федоровна с дочерью Ольгой, Татьяной и Марией. Все они были одеты в белых длинных платьях и в белых больших кружевных шляпах. Александра Федоровна, высокая блондинка (типичная немка) шла не торопясь, иногда что-то говоря своей старшей дочери Ольге, которая шла рядом. Ольга почти одного роста с матерью, всем нам очень понравилось, - хорошенькое, приветливой лицо с улыбкой, с которой она поворачивалась к нам. А рядом с ними чуть сзади шли младшие девочки - подростки - Татьяна и Мария. Татьяне, верно, тогда было лет 15 или 14, их всех окружали придворные дамы, тоже нарядно одетые. Шествие замыкала группа людей, возможно местная знать. У выхода из Владимирской горки царскую семью ожидали конные экипажи.

Дальнейшего их следования я не видела, так как нас сразу повели обратно в гимназию и отпустили домой. По случаю 300-летия Дома Романовых в Киеве была организована на

большой площади недалеко от центра интересная сельскохозяйственная и городская выставка. Царь посетил эту выставку.

Когда папа служил в Земстве по крестьянским делам присутствия, он в эти годы делал много добра крестьянам своего уезда и, особенно, крестьянам деревни Белый Берег. И крестьяне Белого Берега относились к нему с большим уважением и благодарностью. Помню только некоторые из этих дел. Несмотря на то, что деревня Белый Берег была небольшая (не помню, сколько дворов, но, примерно дворов 150), папа выхлопотал у властей уезда разрешение на постройку 4-х классной школы с двумя ремесленными классами - сапожным и швейным.

Он уговорил местного помещика дать участок земли и лес под постройку школы, и помещик согласился и дал бесплатно крестьянам землю и лес. Дом строили крестьяне Белого Берега своими силами по плану-проекту, который папа им выхлопотал.

Вскоре школа была построена. В ее здании, кроме учебных классов, были жилые комнаты для 3-х учителей. Школой заведовал и преподавал - учитель Лисовский. Было два учителя по труду: один обучал сапожному ремеслу, другой - женщина, обучала шитью и рукоделию. Эта школа действует и сейчас.

В эти же годы, кажется в 12-15 годах, папа увлекся производством черепицы. Купил в Киеве два станка и в нашем дворе, в сарае сделал мастерскую, купил оборудование и достал нужный материал - цемент и др. Песку было вдоволь на нашем участке. Папа предложил крестьянам д. Белый Берег и соседнего села Зарудье научиться делать черепицу по инструкции, которую он привез из Киева. Нашлось несколько человек, которые успешно стали делать черепицу. Потом папа подарил черепицу на покрытие крыши школы. Некоторые крестьяне тоже заменили соломенные крыши - черепичными, а папа у себя покрыл черепицей только сарай-клуню (где складывался урожай зерновых) и один дачный домик, - побольше из 4-х комнат. И еще одно доброе дело в папиной деятельности я запомнила: для улучшения породы скота в деревнях папа выхлопотал (не знаю, как это называется) племенную базу ветеринарную. Привез и поместил временно у нас - производителей: быка симментальской породы и рабочую сильную, небольшую лошадь породы битюгов. Этим пользовались крестьяне и соседних деревень.

Когда был открыт ветеринарный пункт, этих производителей туда перевели.

И еще помню, как папа обсуждал с крестьянами земельный вопрос: папа хлопотал у властей покупку земли малоземельным крестьянам на долгую рассрочку - на 90 лет.

Летом 1914 года мы всей семьей, как обычно приехали на время каникул в нашу усадьбу-дачу в Белом Береге. Первыми в деревню приезжали я с папой, так как в моей гимназии раньше кончались занятия, чем в других гимназиях и уже в мае я была среди деревенских просторов. Потом съезжалась вся наша семья. Приехал на каникулы из Москвы и Коля. Но, неожиданно, отдых наш был нарушен - 2-го августа Германия объявила войну России. Так грянула 1-ая империалистическая война. Коля сразу же поехал в Москву и как патриот, записался в армию добровольцем-вольноопределяющимся. Его отправили на фронт, о чем он нам сообщил и доставил этим много волнений маме и папе. На войне он вскоре получил звание прапорщика, а потом и награды - два солдатских георгиевских креста.

Как я писала выше, Вера путешествовала за границей, объявленная Германией война с Россией застала их в Германии и неизвестность, где они и как доберутся домой, сильно тревожило родителей. К тому же и у нас в это время возникли тяжелые переживания. Началась мобилизация в армию и, в связи с этим, волнения среди новобранцев в деревнях и селах.

Неожиданно к нам прибежали крестьяне из нашей деревни (наша усадьба была в ½ версте от д.Белый Берег, в лесу), встревоженные слухами, что в селе Кухари в 9 верстах от Белого Берега, новобранцы разбили винный склад и пьяные, обозленные, грабят и избивают помещиков. Хотя отец не был помещиком, усадьба (а не поместье) были приобретены на свои средства под долгосрочную банковскую ссуду, но угроза подвергнуться расправе со стороны пьяных, озверевших людей, была вполне реальной. Белобережские крестьяне посоветовали отцу закрыть дом, взять самое ценное из вещей и всей семьей спрятаться в орешнике, растущем на склоне к лугу. Сами они решили отправиться на развилку дорог и направить едущих на подводах новобранцев к железнодорожной станции Ирша, в сторону - на дорогу через лес, не поворачивая на большой тракт, который проходил мимо нашей усадьбы.

Пока обсуждали с крестьянами, с дороги к дому подъехало несколько подвод с пьяными новобранцами. Один из них оказался мужем нашей домработницы Текли из соседнего села Зарудье. Они служили у нас несколько лет. Из своей семьи Текля ушла из-за побоев пьяного мужа и вот теперь этот муж, уходя на фронт, решил с нею расправиться. Теклю мы успели спрятать в погреб под домом, а мужа ее папа уговорил успокоиться, снабдив на дорогу деньгами. После этого новобранцы утихомирились и повернули от нас к станции. Тотчас же мы все отправились в орешник, к лугу и там провели всю ночь, крестьяне, как обещали, направляли всех проезжающих новобранцев стороной от главной дороги, минуя нас.

Рано утром мы поехали на станцию Ирша и первым поездом прибыли в Киев. В усадьбе сторожем и хозяином остался Максим с женой Оленой.

Глава 8. НАША СЕМЬЯ

Жила наша семья (6 человек) не богато, на зарплату отца, который получал высокую зарплату, будучи в чине действительного статского советника. Не могу точно сказать, сколько он получал на службе, так как в те годы этим, мы, дети, не интересовались. Но, кажется не меньше 200р, потом 400р. в месяц. Чиновник, занимающий небольшую должность в канцелярии, получал 25 руб. в месяц, цены были другие, на все вещи и продукты. Так, например, хлеб 1 фунт стоил 1 копейку, аршин ситца 16, 15-20 копеек и т.д.

Мама не служила, была поглощена заботами о большой семье, занята нами, детьми и хозяйством, которое увеличивалось с приобретением усадьбы в Белом Береге, а потом - домом в Святошине. Папа постепенно благоустраивал усадьбу в Белом Береге и это требовало не мало средств. Поэтому папа давал маме часть своей зарплаты на хозяйство, на которую мама должна была уложиться с расходами на содержание всей нашей семьи и прислуги, была кухарка и иногда горничная.

Папе, сколько я помню до 1917 г. (к этому времени папа был в отставке) выплачивал долги из зарплаты, а потом из пенсии и беря ссуды в банках.

Мама вела домашнее хозяйство очень умело, экономно и мы, дети не знали всех трудностей быта. Одеты были не богато, скромно, но со вкусом и всегда опрятно. У каждого из детей было одно нарядное, выходное платье, форма гимназическая и домашнее платьице. Многое мама шила сама из недорогих материалов. Помню, как я была рада получить в подарок ситцевое платье с очень красивой расцветкой и каймой.

Внешностью мама была привлекательна, миловидная с чудесным цветом лица и красивой фигурой. По характеру мама была доброй, отзывчивой, всегда приветливой с людьми.

В обществе была застенчива и часто краснела даже без особого повода, чаще от волнения. Но в своем кругу своих друзей и знакомых близких она блистала остроумием, веселостью, умом.

Папа - Платон Модестович Вакар.

Окончил Кавалергардское Училище в Петербурге.

Работал в Земстве по крестьянским делам в Киеве. Действительный статский советник

Мама любила петь, у нее был хороший слух и приятный небольшой голос, которые, к сожалению, не передались нам, детям, за исключением Нади, но в меньшей степени.

Мама всех нас четверых детей умело и терпеливо воспитывала и подготавливала к поступлению в гимназии. Большое внимание обращала на знание русской литературы и на грамотность. Мы с ранних лет приобщались к чтению. Была своя библиотека, ежегодно выписывали журнал "Нива" с приложением классиков. Никогда мама нас не наказывала физически. За шалости и непослушание ставила в угол или лишала удовольствий.

Никогда не кричала, не повышала голос, но говорила строго, требовательно и мы ее слушались. Она была нашим лучшим другом и мы ей доверяли наши "секреты", наши обиды или, наоборот, наши радости, делились всеми переживаниями.

С папой мы не были так близки, он предоставил маме наше воспитание.

В семье у нас всегда была дружная, спокойная обстановка. Мы, дети, никогда не слышали размолвок между мамой и папой.

Всегда они были внимательны друг к другу. Звали друг друга по имени и отчеству. Возможно потому, что разница в годах у них была значительная - 17 лет. Мама всегда устраивала праздник в день рожденья, именин каждого из нас с подарками и угощением. Когда Коля и сестры были в старших классах, мама устраивала "вечеринки" - приглашались товарищи и подруги.

Мама угощала вкусными чаем, а молодежь веселилась - играли в разные игры, танцевали, под музыку небольшой, так называемой шкатулки (пианино было куплено перед революцией).

Когда Надя закончила гимназию и поступила на Высшие женские курсы, на факультет естествознания, мама подарила ей альбом, в котором написала стихотворение своего сочинения. В нем мама высказала тревогу о всех нас. Вот ее стихи:

"Когда час скорби для тебя настанет
И жизнь покажется обратной стороной
Пусть образ матери перед тобою встанет
Она откликнется всем сердцем и душой".

В годы нашего детства и юности еще не было радио, а телевизор появился в годы, когда дети наши были уже взрослыми.

Кино и фильмы были немые, показывались в сопровождении музыки - игры тапера, - на пианино или рояле. Телефонной связи у нас в квартирах тоже не было. Поэтому все свободное от занятий время, мы отдавали чтению книг и разным выдумкам - рисовали, клеили аппликации и шили для кукол наряды. Игрушек было мало и мы сами себе их делали - даже куклы шили из кусочков материи, набивали их ватой, разрисовывали лицо, приклеивали волосы из разных материалов - ниток-пакли и т.д. А потом одевали их, шили одежду из кусочков ткани, которые нам давала мама (это были самые любимые игрушки). Когда, стали постарше - мама научила нас шить на машинке - это мамина машинка "Зингер", ручная, до сих

пор "служит", работает у сестры Нади. Гулять обычно мы ходили с мамой в скверы и парки в праздничные дни и, когда были постарше, ходили к подругам - и они к нам. Помню, что когда мы жили на Сретенской ул., мама пускала меня побегать во дворе. Там был маленький внутренний дворик, окна нашей квартиры выходили во двор, и мама не боялась за меня и отпускала поиграть с соседскими девочками. Также помню, как я любила играть с соседской девочкой, немкой Эльзой в сквере дома ул. Бульварно - Кудрявской. А когда мы жили в Святошино, в своем доме, мы гуляли в свободное время на своем участке и в поселке до приезда в Киев на улицу Кругло-Университетская (это была наша последняя квартира в г.Киеве). Гулять здесь было негде, так как был только хозяйственный небольшой двор на склоне горы.

Ходили иногда с мамой в сады или пройтись по улицам, или в магазины. Так спокойно и беззаботно жилось нам, детям, а нашим родителям в труде и заботах о нас до революции 1917-1918 гг., - времени, которое изменило жизнь не только нашу, а всего нашего народа. Но, об этих годах пишу дальше.

Нас не тянуло на улицу, дома мы находили занятия и были заняты каждый своим делом. Полную свободу мы получали летом на деревенских просторах в д. Белом Береге, Мы много веселились, особенно, когда к нам приезжали в гости наши родственники или подруги, товарищи Коли. Чаше бывал у нас наш любимый двоюродный брат Толя Беклемишев. Об этом я писала выше.

Как я уже писала, папа получил военное образование в Петербурге. Он был в молодости красивым брюнетом, высоким, стройным, с военной выправкой. У сестры Нади сохраняется фотокарточка, где папа молодой, красивый, в военной форме сидит со своими товарищами. Я помню папу пожилым, но и в старости он не потерял привлекательную внешность и стройную фигуру.

Папа вырос в патриархальной семье со строгими моральными правилами жизни. Всю жизнь папа был глубоко порядочным, честным человеком и стремился воспитать своих детей по этим правилам.

Имел добрый, спокойный, приветливый характер. Отец строго требовал от нас, детей, выполнения правил семейного порядка, добросовестного отношения к занятиям-ученью, а также - к домашним обязанностям. В семье был установлен порядок дня, который мы все соблюдали: собирались всей семьей за столом в определенные часы еды. Днем папа приходил со службы к 4 часам, а мы из гимназии раньше, но всегда ждали папу и обедали всей семьей. Главной хозяйкой за столом была мама, она всегда первому папе передавала еду, самую

лучшую, по его вкусу, потом нам, детям и последней себе. Вечерами мы любили собираться в гостиной, чаще вместе с мамой. Она нам читала интересные книги, и мы слушали, уютно устроившись около нее на диване, мы рассказывали маме о гимназических событиях, делились впечатлениями дня. Папа в свободное время тоже любил посидеть со всеми нами, поговорить (пошутить). Но он часто вечерами был занят, что-то писал, читал в своем кабинете или шел на заседания в свое учреждение. Папу интересовало сельское хозяйство, особенно, когда он приобрел свой участок земли в деревне Белый Берег.

Он изучал сельское хозяйство, читая разную литературу, выписывая журналы по этому вопросу.

Благодаря большой занятости родителей, они редко развлекались - бывали в гостях, в театрах. Они ходили сами в театр вечером, а с нами - днем. Первый раз я была в оперном Киевском театре, когда мне было 7 лет и, как сейчас помню, то чувство торжественности, которое вызвало посещение театра и незабываемое, огромное впечатление от увиденной на сцене оперы "Сказки Гофмана".

Семья наша не отличалась особой религиозностью, но все мы были крещены. Крестики, которые при этом обряде надевали ребенку, - у нас не сохранилось. Сохранился у меня только папин крест, простой, - не золотой, который он случайно где-то нашел. Папа носил его на груди, как и ладанки, - зашитый в маленький мешочек талисман. Всегда в нашей семье соблюдались большие религиозные праздники, как Рождество, Пасха, Крещение. Эти праздники проходили в торжественной обстановке и хотя папа не соблюдал постов, не ел ничего постного, а в церковь ходил только к заутрене, мама одна, веря в Бога, постила во всяком случае последнюю неделю Великого поста, водила нас на исповедь и учила молиться Богу.

Яркие воспоминания тех лет оставил зимний праздник Рождества Христова.

Рождество всегда бывало с елкой, подарками, гостями и развлечениями. Накануне, в сочельник, 24 декабря отмечался мамин день рождения и именины - Евгения. В этот день, как правило, мы поздравляли маму. У нас было принято поздравлять маму и папу в день рождения и именин подарком на память, вручив текст стихотворения, написанный от руки на листке бумаги, украшенный красивой картинкой. Вечером зажигали елку, горели свечи, сверкали украшения. Ёлка всегда была красиво наряжена, много игрушек мы делали сами, придумывали из разного материала и любили этим заниматься вечерами перед праздником. Вырезали из бумаги, картона, раскрашивали, клеили и шили, интересные получались украшения из яичной скорлупы, из орехов и даже из картофеля. Под елкой утром мы

находили подарки, которые принес нам "Дед мороз". Вечером веселились, кружась вокруг елки, танцуя под музыку. Мама угощала нас замечательным обедом и вкусным чаем. Иногда на Рождественские каникулы мы уезжали в Белый Берег и там устраивали чудесную большую елку до потолка. Но это была не елка, а сосна, так как в тех местах елка не растет, но сосна была красивая, пушистая и мы на ней вешали много украшений, которые привезли из города и свои изделия.

Кроме украшений, вешали красивые яблоки, орехи грецкие, обернутые в золотую или серебряную бумагу, апельсины. На такую елку мама приглашала иногда детей знакомых крестьян.

Дети были в восторге, мы с ними устраивали хоровод вокруг елки и пели разные песенки. Мама дарила детям подарки и сласти. Всем было хорошо и весело.

Впоследствии мама с папой устроили "елку" в Белобережской школе с подарками каждому школьнику - тетради, карандаши и сладости.

Мы очень любили поездки на Рождество в деревню, но ездили не каждый год. Там было много развлечений, - мы катались на саночках с горок, на коньках на маленьких озерах, играли в снежки и т.д. Но самым большим удовольствием было катанье - поездки на розвальнях, особенно когда управлял лошадью папа. И почему-то часто санки опрокидывались, - и мы летим со смехом в кучи снега. Новый год как-то не оставил у меня воспоминаний, не знаю почему, хотя этот праздник как и другие большие праздники, отмечался в нашей семье.

Любили мы "Масленицу" - "масляную неделю" в феврале месяце. В эти дни мы обедались вкусными блинами. Приглашались гости - "на блины" с разнообразной к ним приправой.. И в эти дни, как традиция Украины, - устраивалась в Киеве ярмарка - "Контракты". Ярмарка располагалась на Подоле, на большой площади, где было выстроено несколько постоянных торговых домов. А между ними разные лавочки, палатки, столы-рундуки. Было обилие всевозможных товаров: вещей, сладостей, игрушек, привезенных из разных стран, даже из Китая, Японии и др. стран. Продавцы кричали, зазывали покупателей, всяк на свой лад. Народ толпился, шумел, свистели надувные чертики, "тещины языки", свистульки и другие игрушки. Звучали музыкальные инструменты - шарманки, запомнились национальные самодельные цимбалы. Каждому из нас мама покупала игрушки, шарики, которые украшали кипами ярмарку, и всякие сладости - вкуснейшую халву в деревянных бочоночках, рахат-лукум и пастилу, тянучку, которую с трудом жевали. А в домах-павильонах можно было купить прекрасные, красивые вещи, национальную одежду и

т.д. В эти дни, на всю масленную приезжала к нам в гости моя крестная Полина Ивановна и мы с нею посещали ярмарку и развлекались. Смотрели там выступления бродячих артистов, кукольные представления и другие забавные сцены уличных театров.

Масленица запомнилась, конечно, вкусными блинами, которые тоже являются традицией этих дней. В общем, все праздники в нашей семье отмечались весело, с гостями и вкусной едой,

Но больше всего мы любили праздник – Пасхи. Пасха была исключительна, незабываема своей торжественностью, близостью весны. Воспоминания об этом празднике остались самые светлые, радостные. Мама была верующей, соблюдала посты, большей частью перед Пасхой, последнюю неделю, водила нас в церковь. Запомнилась мне на мои долгие годы первая исповедь, когда мне было 7 лет. Мама, в последнюю неделю перед Пасхой повела нас, детей, в церковь на исповедь. В церкви стояла тишина и полумрак. Люди по очереди подходили к священнику, который стоял в темном месте, около алтаря перед аналоем. Когда подошла моя очередь, священник покрыл мою голову стихирем (так, кажется, называется покрывало), положил на голову руку и тихо спросил меня - в чем я грешна.

Я перед этим страшно волновалась и все вспоминала свои провинности. Тут же я все забыла от волнения и только еле-еле пролепетала: "я ленюсь подметать пол после обеда". Священник шепотом сейчас же спросил, каюсь-ли я в своих грехах? "Каюсь" - прошептала я. Священник снял с моей головы руку, осенил меня крестным знаменем и громко, во весь голос, нараспев сказал: "Отпускаются грехи рабы Божия Елизаветы", и я радостная побежала к маме. В эти предпасхальные дни церковь была в полумраке, создавалось настроение печали. На следующий день с утра мы шли с мамой в церковь причащаться, все вымытые, приглаженные, нарядно одетые.

С заутрени, вечерней службы предвоскресной, мы шли всей семьей к 10-11 часам вечера. Народа всегда было много в церкви и вокруг нее. Люди приносили пасхи, куличи для святого освещения. Заутреня начиналась печальными песнопениями, службой в полумраке. В 12 часов врата алтаря распахивались, и выходил священник в нарядном облачении с кадилом в руке и радостно, громко оповещал: "Христос воскрес!". Церковь вся освещалась множеством люстр и свечей, хор и верующие пели радостно. "Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и суще во гробях живот даровав".

Священник, в сопровождении всего клиреста, обходил и, благословляя людей святой водой, выходил из церкви в сопровождении всех служителей с хоругвями и пением "Христос воскрес", святил пасхальные куличи, которые держали верующие, стоя толпой вокруг церкви.

Вернувшись из церкви домой, мы целовались троекратно со всеми и садились разговляться за богато и красиво сервированный стол со множеством вкусной еды. К Пасхе мама пекла вкуснейшие разнообразные мазурки, куличи, бабы, готовила много вкусных блюд, праздничный стол "ломился" от яств. Стол, в эти дни украшала семейная фаянсовая посуда, вина, "горели" яркими цветами крашеные яйца-писанки, куличи, вазы с цветами, любимыми мамиными цветами георгинами. В центре стола возвышался кулич-"баба" - красивая и замечательно вкусная. И, конечно, "сырная пасха" приготовленная из творога с изюмом или с разными специями, в специальной деревянной форме, на которой были вырезаны кресты. В продолжение трех дней, в эти дни не работали, приходили поздравить нас, гости христосовались и приглашались за пасхальный стол.

Глава 7. Святошино.

По всей вероятности, родителям было трудно совершать переезды в Киев, снимать квартиры, быть в зависимости от хозяев дома и они решили приобрести свое постоянное жилье. И случайно, в 1911 году в рассрочку папа купил дачу в дачном поселке Святошино, недалеко от города, - в 12-ти верстах по Житомирскому шоссе. Это была вторая дача от угла 5-ой последней просеки со стороны шоссе. Сообщение с городом было железнодорожное и трамвайное. Последняя остановка трамвая находилась всего в 5-ти минутах ходьбы от нашей дачи, трамвай зимой отапливался, ходил каждые 30 минут, что было очень удобно.

Папа приобрел эту дачу с тем, чтобы жить здесь зимой, на лето сдавать несколько комнат дачникам, а самим - как всегда, проводить летние месяцы в деревне Белый Берег, который мы все очень любили. Дом в Святошино был большой, деревянный, с мезонином из 2-х комнат. С трех сторон дома были веранды. Кухня и хозяйственные помещения находились в полуподвале, - там же была комната для прислуги. Дом папа переоборудовал под зимнее жилье, построил водонапорную башню и провел водопровод в дом из колодца. В 1912 году, когда дом был утеплен и полностью приспособлен для жительства зимой, был осуществлен наш переезд из Киева в Святошино.

Мы свободно и уютно разместились в восьми комнатах. Внизу, где была кухня и комнаты для прислуги, жили: кухарка, горничная (иногда) и работник-дворник. В настоящее время этот дом существует и находится в городской черте.

С одной стороны дома был двор с постройками - сараем для дров и конюшня и другие помещения для животных, из Белого Берега папа постепенно перевез лошадь и корову, были потом свиньи и куры. Для ухода за всем этим хозяйством наняли дворника из соседней деревни.

Папа ездил на службу и обратно домой на своем выезде, для этого он купил в Киеве на рынке вороного рысака. Лошадь эта после объявления войны с Германией в 1914 году была взята в армию. Папа разрешал иногда прокатиться на этой лошади по Святошино, нам, особенно нравились поездки зимой на санях. Были у нас в Святошино сани городского типа и бричка, ездили в гимназию на трамвае за 30-40 мин. Нам, четверым учащемуся в гимназиях, приходилось вставать рано, чтобы успеть к началу занятий. Все мы любили поспать утром подольше, и маме стоило большого труда поднять нас с постели, заставить умыться, поесть и вовремя выйти из дома. Легче было со мной, младшей, я вставала без возражений и, спокойно поев, шла к трамвайной остановке, за мной через несколько минут выбегала Надя, потом Вера, они прибежали к моменту отхода трамвая и всячески умоляли водителя немного подождать, так как вот-вот на подходе Коля. В самую критическую минуту, когда у водителя не хватало терпения ждать, подбежал запыхавшийся Коля и мы, все четверо благополучно устраивались в трамвае. Коля тогда учился в 8-м классе, Вера в 6-м, Надя в 4-м, а я в первом.

В Святошино на всех дачных участках было полно зелени, большие просеки служили улицами. На нашем участке росло 96 больших сосен и несколько цветущих кустарников. Недалеко от дома находился пруд, луг и лес - раздолье для прогулок. Коле подарили мужской велосипед, а Вере - дамский и они в свободное время катались по дорожкам Святошино, по шоссе и в лесу. В 1913 году Коля, закончив гимназию, уехал осенью в Москву, где поступил в Университет. Велосипед его остался дома в Святошино. Надя сшила шаровары, подстригла волосы и в таком виде стала кататься по Святошино на Колином велосипеде, вызывая удивление прохожих, а подчас и возмущение.

С отъездом Коли в Москву, в 1913 году, освободилась его комната. Эту комнату снял у нас летчик Перетков со своей матерью. Он работал на Святошинском военном аэродроме (при выезде из Святошино, в сторону Киева). Он был другом знаменитого летчика Нестерова, впервые освоившего мертвую петлю в воздухе. Перетков ежедневно совершал на аэродроме тренировочные полеты на самолете "Ньюпор". После упорных и настойчивых просьб со стороны Веры и Нади - лётчик Перетков сдался и поднял в воздух на несколько минут по очереди - Веру, Надю и даже нашего двоюродного брата Толю Беклемишева. Об этом подробно пишет Надя в своих мемуарах. Это было весной 1914 года.

Из Белого Берега в Святошино, как я уже писала, были переведены животные - корова и две лошади, одна из них Колина - Намка.

Кроме того осенью, уезжая из Белого Берега в 1915 году мы привезли в Святошино мою дикую козочку "Кузьку". Её купили мне мама и папа у пастухов еще совсем маленькую за 50 копеек. Я её очень любила, ухаживала, кормила ее, и она ко мне привыкла и привязалась. В Святошино она жила в специально сделанной для нее в свободной будке, я ее выпускала и она бегала весь день по участку, хорошо загороженному забором. И всегда встречала меня у калитки, поджидая моего прихода из гимназии. Она любила играть со мной, бегать по участку, играть в прятки. Однажды я не нашла Кузьку на участке, очень испугалась, пошла искать ее по соседним участкам и на зов - "Кузька-Кузька", она выбежала ко мне из другого участка и пошла со мной домой. Это была чудесная козочка с большими красивыми глазами и светлыми пятнышками на боках. При переезде всей нашей семьи в 1916 году в Киевскую квартиру, пришлось мою козочку Кузьку определить в городской зоопарк. Я очень горевала, но другого выхода не было. Я старалась почаще навещать ее, особенно первое время. Слыша мой голос еще издали, Кузька подбегала к забору-сетке и я ласкала ее голову, протягивая руку через сетку. Она жила с другими такими же козочками в большом просторном вольере - зеленой площадке с устроенным там будочкой домиком, где козочки могли спать и прятаться от дождя. К сожалению, события тех лет и всяких перемен в нашей жизни, отъездов из Киева и т.д. я не могла навещать Кузьку и не знаю, что с нею было потом.

В праздничные дни в Святошино нас навещали Киевские родственники, друзья и знакомые. Приезжал к нам наш родственник **Яков Яковлевич Вакар**, я его хорошо запомнила - он был небольшого роста, седой, в генеральской форме, запомнилось хорошее доброе лицо с седыми усами. Помню, как однажды приехав к нам, он прочел сказку по названию "Ушат", своего сочинения, напечатанную в газете. Читал и другие свои сочинения, сказки. Приезжала чаще его старшая дочь Мария Яковлевна, с которой мама была дружна, пожилая, очень симпатичная женщина. Часто приезжал по праздникам Володя (маленький), мой двоюродный племянник, сын двоюродной сестры Ляли (**Ольги Петровны Беклемишевой**) и Анатолия Викторовича Вакар (младшего сына дяди Вити). Мы звали его Володя-маленький в отличие от Володи-большого, старшего сына дяди Вити - Владимира Викторовича Вакар. Володя маленький был в то время гимназистом, старше меня на 3 года, он увлекался ботаникой и его привлекал пруд в Святошино, недалеко от нашего дома. Там он ловил лягушек, головастиков, увозил их в банках с водой. Впоследствии он стал специалистом, научным работником, профессором, жил, работал и умер в Петрограде. Приезжал иногда Володя Вакар (большой) -

наш двоюродный брат - юрист, революционер, соратник Ленина, его биография хранится в архиве Исторического музея г. Киева. К нам он приезжал с женой Марией Антоновной и сыном Игорем. Впоследствии **Игорь работал в Москве в "Мосфильме"** директором кинофильмов, получил звание заслуженного деятеля культуры .

Очень часто приезжал наш любимый кузен Толя Беклемишев. Ежедневно ездить на службу на своем "транспорте" - лошади, папе стало тяжело, и он решил снять снова квартиру в Киеве. Так в 1914 году он снял квартиру (в Липках - в районе, который считался прежде аристократическим), по улице Кругло-Университетской, дом № 7а, на 4-м этаже. Дом был новый, 5-ти этажный, с лифтом, мраморной лестницей, холлом при входе, с цветами, ковром, большим настенным зеркалом и даже со швейцаром. Дом этот существует и сейчас, но, конечно без швейцара и перечисленных "излишеств". Сохранился лифт и мраморная лестница в запущенном виде. Папа устроился там жить вместе с Верой, которая заканчивала 8-ой класс гимназии и одновременно училась на высших женских курсах. Ей тоже трудно было совмещать дальнюю дорогу из Святошино с учебой. И ей и папе удобнее было жить в городе. В Святошино зимой продолжали жить мама со мной и Надей. Мы обе, как всегда, ездили в гимназию трамваем, мама занималась хозяйством, а папа и Вера приезжали в воскресенье и в свободные дни. Коля уже как я писала, учился в Университете в Москве.

В 1915г, мы все устроились в Киевской квартире, но часть вещей, обстановка и хозяйство оставались еще в Святошино. Мама чаще туда ездила и оставалась иногда на несколько дней. В Святошино продолжал жить сторож-дворник. Часть комнат также сдавали квартирантам. В 1918 году жил какой-то генерал с семьей, занимал несколько комнат.

Глава 10

В 1915 г., в Киеве, в нашей 4-х комнатной квартире года 1½ жил наш двоюродный брат Толя Беклемишев. Папа предоставил ему одну самую изолированную, небольшую комнату. И в этом 1915г, мы, молодежь, организовали художественную студию, Толя предоставил свою комнату для этих занятий. Он хорошо рисовал, и мы, сестры, тоже увлеклись рисованием. Собирались по воскресеньям и рисовали, кто что хотел и как хотел, потом наше творчество выставляли на суд родителей и всех нас, участников. Приглашали в этот день друзей, - почти всегда был товарищ Толи - студент политехнического института (как и сам Толя) Леня Воинственский, подруга Нади (Маруся Курдицкая и ее сестра Леля). Все наши произведения

мы вывешивали на стене в комнате Толи. Надя составила Устав и нарисовала всех участников студии несколько в карикатурном изображении - на листе бумаги, которая у нее и сейчас висит в ее комнате (в 1989 году). Наде очень хорошо удавалась карикатура, она схватывала сходство с юмором.

В 1915 году кроме воскресных занятий в нашей худ. студии, мы совершали путешествия в выходные дни в окрестностях Киева. Толя Беклемишев был постоянным участником этих мероприятий. Однажды, в будничнй день Вера, Надя и Толя поехали в Пуще-Водицу в 20-ти км. от Киева (я не ездила). Возвращаясь вечером домой, пришли на трамвайную остановку поздно - ушел последний трамвай в парк и таким образом, они застряли там на ночь. Как и они, опоздал к последнему трамваю студент - Александр Егоров, с которым они познакомились и всю ночь весело вместе провели время в одной из комнат, которую предоставил им хозяин столовой у трамвайной остановки.

В дальнейшем я всегда участвовала в прогулках, мы очень подружились с братьями студентами Егоровыми - Александром и Сергеем, и они были постоянными нашими спутниками в частых вылазках за город вплоть до 1919 года. В этих прогулках также принимал участие иногда Миша Джапаридзе (будущий муж Веры), и однажды с нами ходил Коля в Голосеевский лес и сфотографирован со всей нашей компанией в лесу на дереве - сохранилось фото. Это было в 1918 году.

Весной 1916 года Надя закончила 8-ой, дополнительный педагогический класс министерской гимназии и поступила на Высшие женские курсы, на факультет естествознания. А летом она с Верой и двумя знакомыми мужчинами совершили путешествие на Кавказ, через Клухорский перевал, подготовка очень основательная, велась перед этим почти всю зиму с помощью брата Толи Беклемишева. Обо всем этом подробно и интересно пишет сама Надя в своих записях-воспоминаниях, которые она мне подарила и я прикладываю к этим своим рассказам (Здесь без приложения Надиных воспоминаний - Кавказ).

Папа в этом 1916 году вышел в отставку, прослужив 40 лет. На службе его наградили орденом, который папа ценил больше остальных, ранее полученных, - орден "За 40-летнюю, беспорочную службу" и ценный подарок - серебряный чайный набор: чайник, сахарница (которая мне служит все годы), молочник, ложка-ситечко с папиными инициалами - ПВ. Этот ящик с набором - папа подарил мне в день моей свадьбы - в 1924 году в Киеве. Пенсию по тем временам он получал, до революции, очень хорошую, кажется 400 руб. в месяц. Но и этой пенсии не хватало, так как папа еще расплачивался с долгами в банках и освободился от

долгов в 1917 году. Толя Беклемишев женился в 1916 году после смерти его лучшего друга, на его сестре **Лиле** и переехал к ней от нас. В комнате, которую он занимал, стала жить Вера, но вскоре эту комнату стали сдавать жильцам. В те годы сдавать комнату были вынуждены, так как не хватало средств, - папа был в отставке с 1916 года, но продолжал работать в земских организациях с меньшей нагрузкой, чтобы обеспечить семью. В 1917 г. папа работал делопроизводителем, членом коллегии товарищества западных земств и там устроил работать Надю регистратором, а потом счетоводом в бухгалтерии

Жильцы у нас часто менялись. Сначала сдали комнату французскому офицеру из Добровольской армии, когда ей помогала Антанта. Жил он недолго, мама объяснялась с ним на французском языке, но больше беседовала с его денщиком на кухне. Мама хорошо владела французским, одно время училась на курсах и делала большие успехи. Когда этот офицер уехал, по рекомендации Миши Джапаридзе, тогда студента Коммерческого института в Киеве (будущего мужа Веры), комнату сдали его товарищу-грузину, коммунисту, по кличке Лаврентий (не помню его фамилии). Жил он у нас также недолго. Впоследствии, в первые годы советской власти, занимал высокие посты. Был первым секретарем Хабаровского крайкома и вскоре в 1937 году был расстрелян. Последний жилец у нас был студент грузин Акакий (фамилию не помню). Он жил до 1919 года, - до нашего отъезда в Ростов-на-Дону.

В 1917 году произошла первая - февральская революция. Царская власть была свергнута. Люди приняли революцию в надежде на самые справедливые, гуманные перемены. Создано было временное правительство во главе с Керенским.

Наша семья была далека от политики, хотя папа и мама следили по газетам о событиях в жизни страны. Очень горячо осуждали милостивое и влюбленное преклонение монаршего двора, особенно императрицы Александры Федоровны, перед мужиком-авантюристом Распутиным. Поэтому первая революция была встречена людьми - с радостью, люди разных сословий, рангов - одели на грудь красные банты (папа тоже), женщины, особенно рабочие, ходили в красных косынках.

Но... радовались все не долго - Октябрьская революция (1917 г.) принесла много бед, пролилось много крови, наступила настоящая, жестокая, братоубийственная война. В нашей семье, как и во многих, появился страх за жизнь близких людей, неуверенность в завтрашнем дне. Началась гражданская война. В Киеве часто сменялись власти, развился бандитизм. Но все же жизнь продолжалась, шла своим порядком - мы учились, папа и Надя уже работали, получая гроши. Пенсия папе, с приходом большевиков к власти, была назначена в размере 15-ти рублей в месяц, т.е. почти ничего. Я училась ещё в гимназии и весной 1918 года

перешла в дополнительный 8-ой класс по программе мужских гимназий, что давало право поступить в высшее учебное заведение.

Папа очень хотел, чтобы я была агрономом и поступила бы в сельскохозяйственный институт.

Лето 1917 года, мы как обычно спокойно провели в Белом Береге, и приезжал туда Коля, который был в чине прапорщика. В это время он сочинил, написал стихотворение ко дню моего рождения с рисунками и иллюстрациями, но перепутав дату для рождения, - вместо моего дня 7-го марта, он написал ко дню именин - 5 сентября... - я бережно, по сей день храню это его интересное, и на мой взгляд, талантливое произведение, как память давно прошедших и счастливых дней.

В 1917 г. Коля жил у нас на Кругло-Университетской улице. Он был не у дел: армии, где он служил на фронте, уже не было, войска волновались, переходили к восставшим. Дома Коля брэнчал на пианино одним пальцем романсы Вертинского и с чувством их напевал. Амурничал с Асей Хегстром, нашей хорошенькой соседкой по дому. Потом Коля примкнул к Добровольческой армии и одно время жил нелегально в Киеве. Это было уже в 1918 году. Мы знали об этом все кроме папы, мама не хотела его волновать, а сама тяжело переживала, боясь за жизнь Коли. Я знала адрес Коли и иногда его навещала (секретно). В это время он влюбился в очень славную, красивую девушку, их связную, дочь начальника южной железной дороги, Варюшу Неклюдову. Коля жил нелегально в Киеве, меняя квартиры до осени 1919 года. Летом 1919 г. они обвенчались в небольшой домово́й церкви. Мама, Надя и я были на венчании, а потом у Неклюдовых на свадебном обеде,

Революция

С приходом большевиков к власти в Киеве (в период Октябрьской революции) наступило тяжелое время. Троцкий проводил жестокую линию военного коммунизма (по поручению Ленина). Широко применялись в городе - оцепление кварталов, проводились обыски, аресты, расстрелы. С наступлением комендантского часа на улицах становилось тихо, пустынно, но начиная с 2-х часов ночи ежедневно и регулярно раздавались выстрелы в нашем районе (Липках), где был расположен штаб ЧЕКА, в бывшем доме генерал-губернатора и в других зданиях-особняках. Все ночи мама мучилась, не могла спать, с каждым выстрелом она с ужасом думала о Коле.

Ведь он жил тогда нелегально под угрозой ареста и расстрела, как враг революции, боялась и за папу.

Весной 1918 года на Киев наступала Добровольческая армия со стороны Днепра. Слышна была ночью стрельба, к утру все стихло, на улицах появились люди, и я с Надей тоже вышли пройтись и только подошли к Институтской ул., увидели колонны военных, шла кавалерия. На улице уже столпился народ. Это в город вступала Добровольческая армия. Мы стояли в толпе, наблюдали удивительные сцены, когда женщины бросались к солдатам с приветствиями, протягивая им руки, обнимали, а одна женщина бросилась целовать ногу верхового солдата. Многие со слезами изъявляли искреннюю радость. Войска двигались по середине улицы на Крещатик, к городской Думе. Там уже было много людей. Мы подходили уже к Думе, но я не хотела идти в толпу и повернула домой, а Надя осталась и чуть не пострадала от своего любопытства. Население города было очень враждебно настроено против действий большевиков и их жестокой политики. Надя попала в толпу людей около Думы, когда кто-то из толпы, указывая на проходящего молодого человека, крикнул, что это чекист. Тут люди схватили этого парня и замахнулись бить его. Тогда Надя выступила вперед, чтобы их остановить, говоря, что может быть, он ни в чем не виноват (парень вырывался, кричал - за что его бьют?). Тогда в толпе закричали - А..., вот верно и эта чекистка, бей ее!? И в этот момент Надя почувствовала, что кто-то ее силой выталкивает из толпы, говоря в полголоса: "скорее уходите, а то будет плохо". Так какой-то добрый человек спас Надю от самосуда безумной толпы. А на балконе Думы появились два флага - русский, Добровольческий и Украинский - Петлюры. Почти одновременно армия Петлюры вступила в Киев со стороны Житомира и сошлась в городе с Добровольческой.

Но вскоре на Думе остался один русский флаг, Петлюра отступил, в городе было беспокойно, но народ ходил, стрельба прекратилась. После ухода большевиков люди были озлоблены.

Чека расправлялось жестоко, без разбора и суда с теми, кто попадался им по указке или по доносу. Народ поэтому был возбужден и при многократных переменах властей, разного направления, совершалось много самосудов на улицах, даже в центре - на Крещатике. Однажды незнакомые, жившие на улице недалеко от Крещатика и Владимирской улиц, услышали громкие крики, вопли и с балкона увидели у их дома толпу злобных людей и растерзанный труп мужчины.

Я сама, однажды, с ужасом увидела неистовую толпу, когда шла с Варюшей Неклюдовой по Владимирской улице. Мы были уже напротив оперного театра, когда

услышали гул несущейся по дороге толпы (со стороны Софиевской площади). Люди бежали за грузовой машиной, цепляясь за нее, преграждая ей путь, кидая камни в машину. Машина медленно двигалась, а в машине кругом стояли военные с винтовками. Они закрывали собой женщину. Она была с распущенными, развивающимися волосами, в измятой одежде. Вот в нее со злобой люди бросали камни и что-то кричали. Мы с Варюшей прижались к стене дома, иначе нас эта мчащаяся, ничего не видящая от злости толпа могла сбить с ног и покалечить. Такой ярости и злобы на лицах людей я никогда больше в жизни своей - не видела...

Как нам сказали прохожие, - это везли будто-бы Клару Цеткин в какое-то учреждение "белых", или в их штаб (в то время Киев был в руках Добровольческой армии). Возможно, это была не Клара Цеткин, а другая коммунистка или чекистка. Машина повернула на Фундуклеевскую ул. (ул. Ленина теперь), по которой мы перед этим шли, и там, у входа бывшей гостиницы, стояла молча большая толпа, ожидающих людей. Потом нам сказали, что толпа эта встретила камнями и плевками привезенную женщину и ее с трудом провела охрана в здание. Вот так агрессивно был настроен народ.

В нашей семье мы чувствовали себя беспокойно, мама боялась за судьбу папы, который занимал при царской власти довольно большой пост, боялась за нас, детей, особенно за Колю, зная, что он живет нелегально в Киеве. Со страхом отпускала нас из дома, когда немного утихало, новая власть о себе заявляла, начиналась снова жизнь, люди работали, учились. Каждая смена власти сопровождалась перед этим обстрелом города снарядами (у нас было разбито шрапнелью одно окно в комнате на 4-м этаже.) И даже, часто после прихода властей, было опасно ходить по улицам - могла убить шальная пуля с крыши чердака дома. Таких смен властей мы пережили в Киеве за два примерно года - 13 раз, а всего в Киеве их было - 16. Были несколько раз большевики, добровольцы, петлюровцы, были немцы, гетман Пилсутский. И те и другие отбирали у крестьян и угоняли скот, вывозили хлеб, продукты, учиняли расправы с населением. Я не запомнила последовательности всех этих сменяющихся властей, они были частые и недолгие...

Но те события, эпизоды, которые при этом происходили - ярко запомнились на всю жизнь.

В августе 1918 года Вера вышла замуж за грузина, студента Киевского Коммерческого института Михаила Ермолаевича Джапаридзе. Весной он закончил институт, получил диплом. Вера тогда училась на Высших женских курсах. Познакомились мы с Мишей у Надиной гимназической подруги Маруси Кудрицкой. Её мать в те годы сдавала две комнаты студентам грузинам, жили Кудрицкие тоже на улице Кругло-Университетской, недалеко от

рынка, - Бесарабки. Свадьба Веры была уже назначена, и Вера с Мишей после свадьбы должны были ехать и жить в Грузии, на его родине. Железнодорожное сообщение еще было, Мама очень переживала, что у Веры нет достаточно белья, одежды, а купить что либо в Киеве уже было невозможно, магазины были закрыты. В г. Фастове жила мамина сестра, тетя Паша, и ее сын имел возможность где-то купить белье. Мама решила поехать в Фастов с тем, чтобы через несколько дней вернуться, успеть к свадьбе. Свадьбу нельзя было откладывать, так как билеты были куплены, движение поездов еще сохранялось, но время было тревожное, власти быстро и неожиданно менялись. Пока город был занят добровольцами, мама уехала, а через день или два (не помню) мы, жители Киева, узнали, что на Киев наступают войска Петлюры и уже слышна была отдаленная орудийная стрельба. Движение поездов, въезд в город прекратился, приезд мамы из Фастова задерживался на неопределенное время. Ждать больше маму Вера с Мишей не могли и, к большому сожалению, свадьбу устроили без мамы, - очень спешно. Были, кроме нас, подруга Веры и товарищ Миши. Был на свадьбе и Коля. Миша знал, что Коля живет в Киеве нелегально и, хотя был идейным коммунистом, большевиком, Колю не выдал, так как и Коля его при добровольцах.

После свадьбы на следующий день, Вера с Мишей расстались с нами и уехали. Когда мама вернулась из Фастова, а она почти месяц не могла попасть в Киев, она была глубоко огорчена, не застав Веру. Больше мама ее не видела до своей смерти в 1920 году...

Но сведения о благополучном прибытии их в Грузию мы успели получить. Вера с Мишей ехали через Одессу, где в то время была французская Антанта. В Одессе им пришлось задержаться и пережить трудное материальное положение. В эти дни отсутствия мамы, со стороны Святошино все ближе наступали войска Петлюры. В нашем доме в Святошино оставалось много вещей, ведь это была наша вторая квартира. Больше всех нас, последние годы, там жила мама и там оставались ее вещи и документы, которые мама не успела взять, спешно уезжая в Фастов. Оставались там и запасы продовольствия, в которых в то время смены властей очень нуждались, купить ничего, нигде нельзя было, магазины закрывались, базаров не было. Надо было спасать и поскорее привезти из Святошино, что можно. К нам, в Киев, приехал и жил несколько дней парень - Васька (моего возраста), мы знали его с раннего детства. Он ребенком остался сиротой после смерти матери-прачки, которая приходила к нам стирать. Мама и папа определили его в сиротский дом в г. Шпола под начальством моей крестной Полины Ивановны.

В тот день, когда мы слышали о наступлении войск Петлюры, дома оставалась я и Васька, папа и Надя были на службе. Я уговорила Ваську поехать со мной в Святошино, привезти, что успеет из маминых вещей и продовольствия.

Мы отправились вдвоем на городском трамвае, но не могли проехать в Святошино - дорога туда была закрыта перед жел.дорожным мостом. Нам пришлось дальше добираться пешими, - перейти через железнодорожный мост и через весь поселок до нашей дачи. Слышна была отдаленная орудийная пальба. В нашем доме расположился штаб Добровольческой армии, всюду звучала музыка, на кроватях валялись офицеры. Но мы с Васькой, несмотря на всю эту публику и беспорядок, прошли в комнаты и взяли мамины документы из комода, кое-какие ее мелкие вещи и сколько могли из кладовки - продовольствие. Из одежды, которой было много в шкапу, мы ничего не смогли взять. Осталась папина бекеша из шерсти наших овец. Загрузились так, что еле шли обратно под тяжестью взятых вещей, через весь пустынный Святошино (люди попрятались в домах) и через мост до городского трамвая. Мы очень торопились, так как орудийный обстрел города приблизился, и над нами летели снаряды.

Со стороны Брест-Литовского шоссе и со стороны леса приближалась петлюровская армия. Но, к счастью, я с Васькой успели дойти до трамвая и благополучно прибыли домой с нашей ношей.

Я не помню, через сколько времени была возможность поехать в Святошино, посмотреть, что делается на нашей даче.

Но, когда смогли туда поехать, мы увидели там полный разгром, всё было в доме пусто, осталось несколько разбитых шкапов, поломанных стульев...

В большой комнате-гостиной пол был устлан порванными листами из книг нашей библиотеки. Военные, которые были в нашем доме, жгли в камине все, что попало.

После ухода из нашего дома военных, там осталось еще много вещей, - полный шкаф одежды, в том числе новая папина зимняя бекеша, сделанная из шерсти собственных каракулевых овец. Папа очень жалел о ее пропаже, все пропало, никаких вещей не осталось и, как нам потом сказали соседи, вывез все к себе наш дворник-сторож, житель соседней деревни, он воспользовался моментом и ограбил нас.

А корова, без присмотра, умерла от голода, ее бросил этот сторож, запертую в сарае. Лошадь, Колина Нанка была убита при обстреле Святошино осколком снаряда.

Но, несмотря на все переживания, перемены и ужасы гражданской войны, - жизнь продолжалась. Я училась в последнем дополнительном 8-м классе. Как и писала раньше, я не

помню, кто из властей приходил и снова уходил. Запомнилось более ярко событие 1919 года, когда я заканчивала учение в гимназии. Весной 1919 года в Киеве уже несколько месяцев были большевики. Учебный год в гимназии сократили, т.е. закрыли в начале мая все учебные заведения. Нам, гимназисткам-выпускницам, выдали только свидетельство об окончании 8-ми классов Фундуклевской Киевской женской гимназии, без оценок, вместо обычного аттестата. А мне нужен был аттестат, я мечтала поступить в Московское Строгановское училище (теперь это институт). Но об этом нельзя было и думать. В то беспокойное время, в те годы думали только о сохранении жизни, жили в страхе. Приход большевиков, которые неоднократно захватывали власть в Киеве, сопровождался обысками, искали оружие. Заходили в квартиры солдаты, обвешанные оружием - ружьё, пистолеты, через плечо - пулеметные ленты...

Бывали случаи, что по пути, во время обыска, забирали понравившиеся вещи. Ведь в армии было много уголовников, тюрьмы были открыты. Производилась ревизия вещей, вплоть до белья, швейных машин и даже пианино брали в клубы. Но нас, к счастью, это миновало, хотя мы очень боялись, что лишимся пианино, которое было куплено в последние года и о котором всегда мечтала мама.

Очень боялись мы, что у папы найдут браунинг, а у Веры - маленький револьвер "Смит и Висон", Вера не хотела его сдавать и прятала его в разные места, в вентилятор и т.д. А папин браунинг наш двоюродный брат Толя спрятал очень основательно - закопал на кладбище у какой-то могилы и потом не нашел - "похоронил". А свою шпагу в ножнах, которую папа надевал на торжественных приемах при мундире, - папа сдал, как оружие.

Материально жили мы, в те годы, трудно, хотя папа и Надя работали (служили), папа - делопроизводителем, Надя - счетоводом, получали деньги, на которые почти ничего нельзя было купить. Мама сдавала комнаты, сначала одну, потом две.

В 1919 г. большевики, в свой приход в Киев, ввели в городе карточную продуктовую систему. Наш жилец-студент грузин Акакий помог мне поступить работать в контору по выдаче карточек продуктовым населению. Но работала я там совсем недолго, один или два месяца (не помню). Большевиков сменили добровольцы (снова). При отступлении большевики спешно собирались, - закрывались учреждения, склады, магазины. Накануне ухода из города - нам, служащим в конторе, где я работала, выдали из складов разные вещи, мне досталось два отреза ситца на платья, две пачки табака, немного сахара. Тогда это было для нас подспорьем, табак дала маме, которая стала в эти страшные годы курить. И вот снова власть перешла добровольцам. В моей гимназии объявили о выдаче нам, выпускницам этого

года, аттестатов зрелости. Обставили этот акт очень торжественно, и после выдачи аттестатов был бал в большом актовом зале, с военным духовым оркестром. Я пригласила на этот бал Надю и двух наших знакомых молодых людей - Сергея Егорова и его друга Николая. Они были в военной форме, а мне мама сшила к этому балу белое батистовое платье, очень красивое с воланами, и к нему я одела широкий красный шелковый пояс. Было очень весело, носились в танцах, вальсе под бурную музыку оркестра, несмотря на то, что время было тревожное, гимназия смогла организовать так хорошо наш выпуск, что запомнилось это на долгие мои годы. Но настроение праздничное было вскоре омрачено тяжелыми переживаниями. На Киев снова наступали войска большевиков со стороны Житомирского шоссе и вокзала. Снова слышна была стрельба и уже близко начались бои в самом городе с добровольцами.

Тогда мама и папа больше не в силах переживать бесконечные ужасы и страх за жизнь детей и свою, решили "бежать" из Киева, уйти временно, узнав, что люди бегут из города, спасаясь от большевиков. Идут пешком через Днепровский мост на Дарницу и дальше, уезжают по железной дороге на юг, где была добровольческая армия.

Мы стали спешно собираться в такой рискованный путь. Взяли с собой, что было ценное и самое необходимое, сколько могли нести. Ведь путь был не близкий. Квартиру оставила на попечении нашего жильца студента. Не помню, какие планы тогда были у родителей. Когда они решили уйти из дома, куда и на какое время. Были все в отчаянии и панике. Итак, мы отправились в путь, - папа, мама, Надя и я, с нашей ношей через Днепровский мост, через дачный поселок Дарницу - к железнодорожной станции. Мы шли весь путь в толпе беженцев, которые, как и мы, бежали из Киева кто-куда. На станции Дарница была толпа метущихся людей, ждали отправления товарного состава - вагонов - "теплушек". Состав стоял на каком-то пути у станции, никто не знал, когда его отправят, но все вагоны уже были набиты людьми. Через какое-то время было объявлено, что поезд отправят не скоро, путь забит составами, может быть через несколько часов. Тогда я с Надей решили пройти на дачу Егоровых - наших знакомых двух братьев, чтобы узнать, что с ними. Мы знали, что они были в Добровольческой армии в Киеве. На даче нас встретила их сестра, заплаканная, взволнованная. В доме лежал раненный старший брат Александр. Он еле мог нам сказать несколько слов - страдал не так от ранения, как от горестных переживаний: на его глазах, в Киеве, на углу ул. Марино-Благовещенской и Вокзальной был убит брат Сергей (который так недавно был на моем выпускном вечере, с которым я танцевала... Самого Александра еле спасли и привезли в Дарницу. Кроме того, им сообщили, что эвакуированные

перед этим из Киева, их семья - бабушка и мать с младшим братом-подростком попали в крушение поезда, погибла бабушка, брат, мать в тяжелом состоянии. Мы сразу ушли, подавленные услышанным несчастьем наших друзей. С трудом, вернувшись на станцию, нашли папу и маму, которые очень волновались, ожидая нас. В это время объявили, что скоро отправят поезд, и толпа людей бросилась к подходящему составу. Мы тоже протискивались в толпе, как вдруг потеряли Надю в толпе, мама бросилась ее искать, громко крича: "Надя, Надя". Мы были в ужасе, думая, что не сможет ее найти.

Но вот, к счастью, она нас увидела, и мы скорее бросились к поезду, вагоны были уже набиты людьми, и только в один удалось с трудом забраться, помогая друг другу. В вагоне можно было только стоять, стиснутыми людьми и вещами. Через некоторое время состав дернулся и мы поехали. В этой суматохе, толкотне мама потеряла свою меховую горжетку, а папа - зонтик (мы потом шутили, что он его взял, как самую ценную вещь).

Итак, мы доехали до станции Бравары, состав остановился, уже стемнело, никто не выходил, ждали, что двинемся дальше. Но через какое-то время было объявлено, что поезда дальше не пойдут и неизвестно когда откроют путь. Люди ждали, не оставляли вагонов. Уже было поздно, наступил вечер, стояли уж очень долго.

Тогда мама и папа, не надеясь на дальнейший благополучный путь, решили выйти на станцию и в ней подождать. Так сделали еще некоторые пассажиры. Мы зашли в станцию. Станция была небольшая с одной комнатой. Людей в ней было уже много и мы с трудом нашли свободное место под стенкой. Папа и мама поставили свои узелки, расстелили пальто и сели на пол. А я с Надей нашла большой ящик вроде сундука и на нем устроились в конце комнаты около двери в какое-то помещение, куда беспрерывно входили и выходили какие-то люди в военной форме. Наступила ночь. Папа и мама, измученные дорогой и полной неизвестностью, легли на пол, подложив, что смогли, надеясь хоть немного заснуть, а я с Надей на сундуке, но о сне и думать нельзя было, - беспрерывно входили и выходили, в комнату рядом - военные, громко говорили, хлопали дверью. Слышно было движение поездов на жел. дор. линии. Мы заметили, что мимо нас проходил несколько раз высокий, красивый военный в папахе и черной бурке до пола, брэнча оружием. И вдруг, выходя комнаты, он быстро подошел к нам, схватил мою руку потянул к себе и очень настойчиво стал уговаривать меня поехать с ним сейчас, что их состав стоит у станции, и я буду с ним в отдельном вагоне со всеми удобствами, и что-то еще говорил и с силой тянул меня к себе, распахнув бурку.

Я страшно испугалась и, сколько было сил, отталкивала его, а Надя обхватила меня обеими руками и стала кричать, чтобы он оставил меня. В этот момент в станцию вбежал военный и крикнул, чтобы все военные выходили скорее, состав их отправляют. Это спасло меня, мой "похититель" оставил меня, что-то сказал и исчез. Как оказалось потом, это проходила казачья часть капитана Шкуро, о котором ходили в народе самые невероятные легенды и слухи. Много говорили о его отчаянной смелости, о жестоких расправах с неприятелем и жителями. Так я, можно сказать, была на краю большой беды.

Эту беспокойную ночь мы все провели без сна и на рассвете, посоветовавшись с такими же беженцами, как и мы, пришли к решению, что выход один - надо вернуться домой пока Киев ещё в руках добровольцев, они отбили в этот раз наступление Петлюры (или других - уже точно не помню). Не помню, как мы добрались домой, кажется, поезд довез нас обратно до станции Дарница... В общем, мы были снова у себя дома и рады были, что судьба нас миловала, и мы остались целы после такого опасного "путешествия".

Память не сохранила дат, времён перемен событий и частых перемен властей в Киеве. Но запомнился, в этот раз приход снова большевиков, добровольцы отступили и снова начались наши муки, мамины бессонные ночи.

Но, как и раньше, большевики продержали власть в Киеве недолго - месяца 2,3, кажется это было осенью 1919 года, - большевики спешно ночью покинули Киев, днем была орудийная стрельба по городу, никто не знал, кто и откуда наступают, какие события нас ожидают. Всю ночь слышны были выстрелы в городе со стороны ЧЕКА, которые находились на ближайших к нам улицах (в Липках).

Мама не спала всю ночь, слыша эти выстрелы, думая о Коле. К рассвету наступала в городе тишина, ни звука, ни одного человека на улицах, мы еще спали, а мама, чуть свет, потихоньку вышла из дома и пошла к зданиям ЧЕКА. Как потом она нам объяснила, она пошла, чтобы убедиться в том, что ее переживания и бессонные ночи были не придуманы, а вполне реальны.

Как потом она нам рассказала, она нашла все помещения ЧЕКА, зашла туда свободно, все было открыто, брошено в спешке отступления. Там она увидела больше, чем представляла, что говорили о жестокости большевиков. Она видела камеры и орудия пыток, окровавленные свежей кровью замученных и расстрелянных людей. Трупы были закопаны на скорую руку, тут же, во дворе и палисаднике. Мама видела плаху с окровавленными пучками женских волос, видела страшные орудия пыток, детали о которых не хотела нам рассказывать.

Я с Надей проснулись тоже рано, папа спал, мамы не было, и мы не могли понять, куда она ушла. В это время мама вернулась и на наш вопрос, где она была, очень неохотно сказала, что прошла по улицам до зданий ЧЕКА, на улицах пустынно. Нам тоже захотелось туда пойти, но мама не пускала и согласилась, наконец, только с условием, что с нами пойдет наш квартирант, студент грузин Акакий. И вот мы втроем пошли по тихим и пустынным улицам, изредка встречались люди.

Теперь вспоминаю все увиденное, спустя больше полувека так отчетливо и ярко, те чувства и переживания, что хочу хоть вкратце описать их.

Мы прошли прямо к дому, двухэтажному особняку на углу двух небольших улиц, названия которых я забыла, недалеко от нашего дома, в районе Липок. Мы знали этот дом, как дом генерал-губернатора г. Киева, в былые времена папа там бывал на приемах. Теперь этот дом, как другие в этом районе неоднократно занимали большевики, и там был размещен их штаб или управление ЧЕКА. Вход в дом был открыт, двери настежь распахнули. Мы зашли в вестибюль, от которого шел темный коридор в какую-то комнату, - и лестнице на второй этаж.

Мы пошли по коридору, в котором с двух сторон были двери, а за ними комнатки-камеры. Мы зашли в одну: кромешная тьма, на полу - кучка соломы. К нам неожиданно подошел какой-то человек (им оказался здешний сторож). Он зажег спички, и мы увидели на стенах написанные фамилии и прощальные слова. Выйдя из коридора, мы попали в большую комнату с большими открытыми окнами в сад. Вся комната была в нарах. Здесь помещались арестованные, в ожидании приговора. А в эту ночь отступления - все они были расстреляны тут же, в саду и закопаны между деревьев. Из окна мы увидели кучи свежей земли с дерном в разных местах. Из этой комнаты мы поднялись на второй этаж по лестнице в проходе. Там находились служебные комнаты Управления ЧЕКА.

Здесь царил сплошной хаос - весь пол устлан бумагами, папками, перевернутые стулья, раскрытые шкапы. Впечатление бегства. Выйдя из дома на улицу, мы собирались повернуть домой, но кто-то из людей, ходивших и смотревших в доме сказал: Вы пойдите рядом, в соседнюю улицу - там чинили расправы с заключенными. И, когда мы подошли к указанному небольшому одноэтажному дому, увидели открытые ворота во двор и несколько человек туда зашли. Мы тоже прошли во двор и в глубине двора, напротив ворот, увидели длинный невысокий сарай с распахнутыми дверями. Когда мы подошли туда - увидели внутри страшную картину: вся стена и пол напротив входа были облиты кровью и человеческими мозгами. Канавка у стены наполнена кровью. Весь пол в сарае - в крови и

мозгах. Жуткая картина! Сюда вводили осужденного и пускали выстрелом пулю в затылок. В эту ночь тут была сплошная бойня. Трупы и тут, в спешке зарыли около двора - в палисаднике. Во дворе был еще один большой сарай - каретник. Как потом нам сказал товарищ Коля, - под каретой был люк в глубокий подвал, где после ухода большевиков, обнаружили брошенных туда людей. Один или два были живы, несколько человек мертвых. Оказывается, они гибли там от голода, отсутствия воздуха. Когда мы вышли на улицу, увидели медленно движущуюся грузовую машину и в ней несколько стоящих мужчин. Вдруг раздался отчаянный крик - вопль, какой-то человек крепко держал выбивающегося из его рук молодого человека в штатской одежде. Человек этот остановил машину, крича, что он узнал чекиста - "заберите, хватайте его, мерзавца..." А молодой человек кричал, вырываясь, тонким голосом на всю улицу - "За что, за что!?" Его бросили в машину, и она умчалась, а вслед ей люди, которые собрались на крик, спокойно говорили: "Так им и надо, по дороге с ним расправятся."

Мы повернули домой, удрученные всем увиденным, что запечатлелось на всю жизнь.

В этот день Киев был занят Добровольческой армией, наступила в городе тишина, дышать стало легче после напряженного ожидания всевозможных репрессий. Теперь мы могли свободнее встречаться с Колей и, как я уже писала, вскоре состоялась свадьба Коли с Варюшей Неклюдовой. Мама встретила с Колей, была на его свадьбе в церкви и у Неклюдовых.

Обстановка в стране была напряженной, тяжелой, мучила неизвестность и неуверенность в скором окончании этой братоубийственной войны. Положение Добровольческой армии было критическим, они еще сопротивлялись натиску красных, но терпели поражения на всех фронтах: на севере была разгромлена армия Юденича, в Сибири несли поражения войска Колчака, армии Деникина и Коледина отступали к югу.

Красная армия приближалась к Киеву. Коля был в курсе всех событий, сам он уже не верил в победу белых, считал, что Киев неминуемо скоро будет сдан большевикам. Его организация готовилась к отъезду и торопилась пока сохранялось движение поездов на юг и была связь с армией Деникина. Он решил уехать вместе с Варюшей, не задерживаясь в Ростове-на-Дону, а если потребуется, то и дальше на юг, на Новороссийск. Советовал и маме с папой - нашей семье, уехать из Киева вместе с ними и временно пожить у Анны Ивановны Вакар (жены дяди Толи) которая жила, как я писала в Ростове н/Д, работала акушеркой в Варшавском университете, который был эвакуирован из Варшавы в Ростов н/Д в первую империалистическую войну 1914 года. Коля советовал пожить в Ростове пока не

прекратиться "резня", организуется и определится постоянная власть в стране. Он убедил нас, и как-то удалось списаться и договориться с Анной Ивановной. Она ответила согласием принять нас в своей квартире.

Мы стали собираться к отъезду, в связи с этим возник ряд вопросов, как быть с квартирой, на кого ее оставить, ведь там оставалось все наше имущество. А время шло, и тогда Надя предложила такой выход: если до отъезда не решится вопрос с квартирой, она останется и поищет среди знакомых, кто согласился бы пожить в нашей квартире до возвращения нас в Киев. После долгих и мучительных обсуждений мама с папой согласились на Надино предложение, не видя другого выхода. Итак, отъезд был решен, но без Нади, - и в конце сентября (если не ошибаюсь) мы - папа, мама и я отправились снова в путь. Ехали вместе с Колей и Варюшей с удобствами в пассажирском поезде в Ростов н/Д без приключений. Надя осталась одна в квартире. Ей удалось только к декабрю поселить в квартире свою подругу Катю Платонову - студентку и она еле успела выехать из Киева последним поездом благодаря помощи Варюшиного отца - начальника юго-западной жел. дороги. Ехала через Одессу, с большим трудом добралась в Ростов н/Д, но уже Коли с Варюшей не застала, они были в пути к Новороссийску. Большевики приближались к Ростову н/Д.

Тетя Анна Ивановна предоставила нам одну комнату в своей 4-х комнатной квартире в небольшом 2-х этажном доме. Одну маленькую комнатку она сдавала знакомой фельдшерице. В другой большой изолированной комнате жила сама с дочерью Машенькой (которой тогда было лет 15). В центре квартиры была побольше общая комната - проходная, и в ней была столовая. В широком коридоре - няня, старушка, которая бала членом семьи Анны Ивановны, прожив с ними 36 лет. Старшей дочери Анны Ивановны - Нади, не было в живых, она умерла 18-ти лет в Новом Афоне, во время турпохода от тропической лихорадки за 3 дня. Где был в это время Алеша - сын Анны Ивановны, я не помню, мы его не застали в Ростове н/Д.

Вскоре после отъезда Коли с Варюшей, приехала Надя, (в декабре) и мы успокоились. Маму очень беспокоило, что не было связи с Верой, мы не знали, как ей живется в Грузии.

А в это время большевики стремительно надвигались и приближались к Ростову, белые спешно отступали, некоторые уезжали с семьями, кто на чем мог, даже ехали на телегах, женщины с детьми и вещами. Но многие не смогли спастись, красные настигли их в пути за Ростовым.

Мы были в ожидании самых неожиданных событий. Анне Ивановне приходилось выходить в разное время дня и ночи, она работала акушеркой и часто ее вызывали к роженицам.

Мама занята была хозяйством - приготовлением пищи сообща с няней, от моей и Надиной помощи она отказывалась и это, конечно, ее ошибка, она очень уставала. Иногда мы ходили недалеко на базар, пока было относительно спокойно, можно было купить у крестьян овощи, рыбу, но с каждым днем было все меньше такой возможности. Ожидали со дня на день прихода красных. И это случилось днем в первых числах января. В Ростов внеслась конница Буденного, неслась она по Таганрогскому проспекту и по всему городу.

Буденный за взятие Ростова разрешил армии три дня праздновать свою победу. Солдаты взламывали винные склады, пьянствовали и в разгуле творили жестокую расправу над негодными им или подозрительными лицами. Анна Ивановна видела, идя на работу, повешенных прямо у трактира на деревьях, разбитые и сожженные дома, в том числе военный госпиталь, откуда белые не успели вывезти раненых.

В пролетах сгоревшего здания долго висели зацепившиеся за что-то больничные кровати. Я это видела сама.

В нашем доме сразу же разместили на постой солдат. К нам, в квартиру Анны Ивановны, поселили 4-х солдат. Они разместились в большой проходной комнате (столовая).

Мама взвалила на себя все трудности и переживания, связанные с постоем красноармейцев. Нас, - папу, Надю и меня, оберегая от постояльцев, мама запирала в комнате, когда хозяйничала в кухне. Няня с Машенькой также сидели безвыходно в своей комнате. Красноармейцы вели себя бесцеремонно, шумно, проходя мимо нашей двери, стучали, отпуская нецензурные шутки..

Информация Анны Ивановны и жившей у нас квартирантки-фельдшерицы держала всех нас в нервном напряжении. К тому же у мамы случился инцидент с одним из наших постояльцев. Он принес рыбу, бросил ее на кухонный стол и, грубо обратясь на ты, приказал маме эту рыбу зажарить. Мама возмутилась грубостью и отказалась выполнить это требование. Красноармеец с бранью замахнулся на маму нагайкой и неизвестно чем бы это кончилось, если бы тут не оказался приличный солдат-фельдшер, который схватил грубияна за руку, заставил его извиниться и впредь просить, а не требовать. В дальнейшем красноармейцы часто приносили свои пайки и обращались к маме с просьбой приготовить из этих продуктов что-нибудь горячее, при этом всегда оставляли изрядную часть еды маме. Время было трудное, нигде ничего нельзя было достать, так что такое предложение отчасти

разрешало для нас проблему питания. Побыв на постое около месяца, красноармейцы уехали, мы спокойно вздохнули, но отсутствие средств для жизни стало реальной угрозой. Благодаря Анне Ивановне папа устроился на работу делопроизводителем в Бактериологический институт с зарплатой в 6 миллионов рублей. Вскоре туда поступила и я лаборанткой (принимала и сдавала анализы) с зарплатой 9 миллионов с учетом вредностей. Надя подыскивала долго работу, все безрезультатно. Мама крепилась, продолжая хозяйничать, обеспечивая обедом нас и семью Анны Ивановны, не жалуясь на здоровье, терзаясь беспокойными мыслями о Коле, неизвестная судьба которого особенно волновала в то время.

Уже в феврале как-то после обеда мама почувствовала себя плохо и тут же в столовой прилегла на тахту. Я с Надей присели к ней и заметили, что у мамы большая температура. А утром мама совсем разболелась. Анна Ивановна, посмотрев маму, сочла ее состояние простой простудой и усталостью и ушла на работу. Вечером маму посмотрела врач терапевт, соседка и знакомая Анны Ивановны. Но и она не нашла у мамы ничего серьезного и ничего не прописала, никакого лечения. На следующий день болезнь обострилась, мама очень плохо себя чувствовала, но это не вызывало беспокойства Анны Ивановны и врача соседки, хотя мы видели, что маме плохо, - она не спит, бредит, температура высокая, головная сильная боль и жалобы на тяжелое состояние. Я с Надей стали ночью дежурить у маминой постели. Мы были не сведущи в медицине, верили врачам, но вид мамы нас пугал. На пятый день утром состояние мамы очень ухудшилось, она еле говорила и лежала с закрытыми глазами, как будто спала, появилась икота, температура скакала. Врач-соседка нашла маму отекающей, и тут только назначила сердечное лекарство и взяла мочу на анализ. Анна Ивановна и врач-соседка ушли на работу. Мама лежала тихо - и мы увидели, что она без сознания, мы испугались, Надя побежала за врачом в Бактериологический институт, я с папой осталась около мамы. Врач сделал укол, искусственное дыхание, но все было тщетно, врач констатировал смерть. Анализ мочи, полученный в этот день, выяснил болезнь, - у мамы было воспаление почек, в анализе сплошной белок и смерть наступила от уремии, а по существу, от равнодушия и невнимания врачей. Мама умерла 18 февраля 1920 года - в 50 лет.

Это было наше настоящее первое большое горе. Похоронили маму на кладбище совсем близко от нашего дома (теперь кладбища нет, на его месте - сад со спортивным зданием). Я с Алешей была проездом в Ростове н/Дону в 1976 году, и мы прошли на это бывшее кладбище, я приблизительно нашла место могилы мамы. В саду, еще тогда сохранилась маленькая кладбищенская церковь, не действующая.

Мы ежедневно ходили к могиле, украшали крест свежим венком из красивых листьев различных деревьев (у меня сохраняются мои два рисунка цветными карандашами могилы мамы.)

В городе жизнь постепенно вошла в свою норму, советская власть упрочилась, весна была в полном разгаре, близилось лето. Надя занималась поисками работы по счетной части и, наконец, ей удалось поступить в одно с/х учреждение на должность старшего счетовода в бухгалтерию. Ходили слухи, что белогвардейцы потерпели поражение и безвозвратно оставили родину, а Советская власть твердо укрепила свои позиции, гражданская война заканчивалась. Стране нашей нужно было залечивать раны, нанесенные войной, преодолевать голод. Анна Ивановна с Машенькой и няней уехали из Ростова в Варшаву с мединститутом, который возвращался на родину в 1920 году.

Появилась связь с Киевом, и мы стали вынашивать мечту о возврате домой в свою квартиру. К тому же получили от Кати Платоновой письмо, что она собирается скоро уехать в Саратов к жениху, квартиранты наши больше у нас не живут и Катя полна беспокойства, как ей поступить с нашей квартирой. С волнением и трудом мы трое - папа, Надя и я выхлопотали в ЧЕКА пропуска для проезда в Киев. В этом нам помогла наша работа, идя нам навстречу, каждому из нас было выдано командировочное удостоверение. Вся подготовка к отъезду заняла больше месяца или два. Боясь голода, мы из своих хлебных пайков часть подсушивали в дорогу и собрали целый мешок сухарей. В дорогу взяли вещи, которых было не так много, но все это усложняло наш длительный путь, переезд в Киев.

В конце августа (начале сентября) мы простились с маминой могилой, сели в жесткий вагон пассажирского поезда и поехали в Киев. Не помню, как долго мы ехали, поезд часто и подолгу останавливался, а в Полтаве почему-то весь наш поезд пришлось освободить и ждать когда подадут другой состав. Мы сидели на вещах - их было несколько, в том числе большая корзина. Никто не знал, когда пойдет поезд на Киев. Ночь провели на платформе возле вещей, греясь в вокзале, так как холодно было. Только к утру подошел товарный состав, и мы с папой, нагруженные вещами, с великим трудом и волнением влезли в теплушку и поехали. Этот поезд доставил нас в Киев и мы приехали в нашу пустую квартиру. Кати Платоновой уже не было, но в квартире мы застали все вещи, обстановку в полной сохранности за год нашего отсутствия. Был конец года. В квартире было холодно, отопление и электричество не работало. Мы мерзли, и пришлось устроиться нам вместе в одной самой небольшой комнате. Порой так было холодно, что спали одетыми, набросив на себя что возможно. Где-то достали печку - буржуйку, трубу вывели в форточку. Теперь остро стал вопрос с топливом. Первое

время на это пошли старые стулья, табуретки, бумага и т.д., но всего этого хватило не надолго. Мы ломали голову, где раздобыть топливо, купить не могли, не было средств. Кто-то нам посоветовал поискать хворост - ветки, палки т.д. где нибудь на окраине или в лесу. И мы с Надей решили отправиться за этим в Святошинский лес за 12 км от дома. Но как это осуществить? на чем везти? Нашли у знакомых двухколесную тачку и храбро отправились за хворостом пешком. Выйдя из города, пройдя около полпути, мы почувствовали, что нам будет не по силам одолеть весь путь до леса. Мы остановились в раздумье - стоит ли идти дальше и в это время мы увидели грузовик, в котором сидело много женщин и мужчин. Подойдя к ним, мы узнали, что едут они в Святошино и даже дальше. Мы попросили подвести нас и люди оказались доброжелательными, согласились и помогли нам забраться наверх вместе с тележкой. Так нам повезло, и мы благополучно подъехали к лесу. В лесу мы наши много разного сухого хвороста, погрузили, сколько могли в нашу тележку и покатали её обратно через весь Святошино и дальше домой. Было очень тяжело, особенно на подъемах. Путь был длинный и долгий, мы часто останавливались отдыхать. Поднимаясь в городе по Бибиковскому бульвару (ныне Шевченко) на подъеме, так устали, что еле передвигали ноги, тяжело дышали. Глядя на нас, встречные люди сочувственно смотрели и говорили вслед нам: "бедные, бедные", но помощи никто не оказал. Так еле дотянули мы нашу поклажку до ул. Кругло-Университетской, совсем выдохшиеся, не в силах везти наш груз по крутому подъёму. Мы стояли обессиленные и в это время увидели подъезжающего извозчика без седока, мы бросились к нему с просьбой прицепить сзади брочки нашу тележку. Он сжалился, верно, вид у нас был слишком жалкий - и разрешил. Таким образом, довез до самого нашего дома тележку и мы ему несказанно были благодарны. Папа сидел в холоде, и мы сразу затопили нашу буржуйку, и стало веселее и уютнее. Теперь на некоторое время мы обеспечили себя теплом.

Мы были бы вполне счастливы, если бы с нами была мама, а без нее нам надо было думать и решать, как дальше жить.

Средств не было, надо было искать работу, зарабатывать. Наде предложили должность счетовода на зарплату, на которую, имея миллионы, мы могли бы приобрести коробку спичек. Это было бессмысленно, мы стали продавать кое-что из носильных вещей, Но, несведущие в таких делах, продали за бесценок старьевщику папино осеннее пальто. Мебель в то время никто не покупал, только, главный образом, носильные вещи, а у нас лишних уже не было. Мы сняли с окон две шелковые портьеры и из каждой сшили по широкой юбке, а из

подкладки этих штор фартуки, украсив их яркой тесемкой. Вооружившись этим добром, в воскресенье, отправились на Еврейский базар, чтобы продать, вернее, обменять на продукты, которые привозили крестьяне для обмена на вещи. Мы стояли безуспешно, никто даже не поинтересовался ценой наших вещей. Одна из благожелательных торговек, видя нашу неудачу, посочувствовала, посоветовала: "поезжайте-ка вы в деревню, там ваши юбки купят за продукты и дадут немало, - сшиты они хорошо,- это то, что надо деревне, а здесь они никому не нужны". Нам этот совет понравился и мы, придя домой, поделились с папой идеей - ехать в деревню. Папа сначала был против, боясь отпускать нас одних в такой опасный в то время путь. Согласился только на эту поездку, когда мы вовлекли в нее наших знакомых - Якубовича, преподавателя латыни в мужской гимназии и студента - сына "англичанки", у которой Надя и Вера брали уроки английского языка. Решили ехать в наши знакомые места, в деревню Зарудье, к Максиму и Олене, которые у нас служили много лет и очень хорошо к нам относились. После лета 1918 года мы не ездили в Белый Берег и не знали, что там происходит, какое настроение среди крестьян по отношению к нашей семье. Поэтому поехали к Максиму, которому вполне доверяли.

В ближайшую субботу мы такой компанией отправились поездом, ехали в теплушке, без билетов, как все тогда ездили. Приехали на ст. Тетерев, дальше поезд не шел (следующей станцией была Ирша, где мы всегда останавливались, когда ездили в Белый Берег). От станции Тетерев мы пошли пешком 12 верст по снежному лесу. В село Зарудье пришли под вечер, нашли хату Максима. Он и Олена встретили нас как родных, старались как можно лучше угостить, расспрашивали о маме и папе, вспоминали жизнь у нас, ведь прошло два года. Сказали, что наш дом в Белом Береге стоит, что там поселился лесничий.

Максим и Олена убеждали нас приехать и жить в своем доме, сказали также, что два крестьянина в Белом Береге хотят купить у папы на снос два дачных домика и дадут за них продукты. Мы сказали, что решит это папа, и что мы его уговорим переехать в Белый Берег. Уложили нас спать всех четверых в комнате (у них было две комнаты) на полу, постелив всем удобно и тепло. На утро Олена нас накормила "млинцами" - блинами из гречневой муки со свиными шкварками и сметаной, молоком напоила, мы давно не ели таких вкусных блюд. Потом Олена пригласила в хату своих односельчан и мы разложили им наш товар. Продажа прошла очень успешно - мы с Надей получили взамен двух юбок и фартуков одного петуха, двух кур, масло, много всяких овощей. Наши спутники тоже с успехом обменяли свои вещи. Довольные, мы сердечно распрощались с Максимом и Оленой, которые усиленно

уговаривали нас переехать жить в Белый Берег. Шли мы к станции Тетерев уже в сумерках, был снег, идти было трудно.

С тяжелой ношей, по дороге у меня вывалилась из сумки курица (у неё были связаны ножки) и, к сожалению, в темноте мы ее не нашли. Петуха и кур мы везли живыми (в доме холодильника не было). На станцию Тетерев мы пришли почти ночью, погрузились в теплушку стоявшего состава, там было много таких же "мешочников", как и мы. На рассвете запели петухи, захрюкали поросята, зашумели люди, и мы рано утром уже были в Киеве, усталые, но довольные нашей поездкой. Папа встретил нас радостно, он очень волновался в ожидании нас. Мы его успокоили благополучным возвращением и подробно рассказали о своем путешествии, о теплой встрече с Максимом и Оленой, о их добром, настойчивом совете переехать поскорее жить в своем доме в Белом Береге. О доброжелательном настроении крестьян Белого Берега и Зарудья. О том, что два крестьянина деревни Белый Берег хотят купить у папы два дачных домика. Вскоре, узнав, что папа вернулся в Киев, эти два белобережских крестьянина приехали в Киев и договорились с папой о продаже им двух дачных домиков на продукты. Они также советовали и приглашали нас переехать из города и жить в своем доме и трудиться на своём участке.

Обсудив с папой этот серьезный вопрос - переезда из города в деревню, мы пришли к решению - ехать и поскорее, так как в городе жизнь наша была в холоде и голоде.

В связи с этим решением возникло много вопросов, которые нелегко было решить. Прежде всего, надо было самим посмотреть в каком состоянии наш дом в Белом Береге, что там осталось из вещей, кто там живет, и получить согласие властей деревни на наше житье там. Поэтому я с Надей отправились прямо в деревню Белый Берег и прежде всего, зашли к знакомым крестьянам - Мурги и Хмельницким. Они нас встретили радушно, обо всем расспрашивали и тоже убедительно советовали переехать из Киева жить в своем доме в Белом Береге. Но для этого, как они сказали, надо поговорить в Сельсовете с местной властью, получить их согласие, так как теперь все принадлежало государству. В Сельсовете отнесли к нам и нашей просьбе - жить в своем доме - положительно и доброжелательно. Они сказали, что закрепят за нашей семьей усадебный участок, т.е. десятину пахотной земли, луг и небольшой лес и, конечно, здания дома и хозяйственных построек.

Но с условием, что мы будем жить и трудиться на земле как все крестьяне, без наемной помощи.

Таким образом, Сельский Совет принимал нас в свои члены. Обрадованные добрым приемом белобережских крестьян, мы пошли в наш дом, там обосновался какой-то лесничий,

так как ему негде было жить, но он заверил нас, что вскоре освободит дом, уедет в другое место.

В доме кое-что сохранилось из необходимых вещей, но много исчезло и не мало надо везти из города.

Вернувшись домой и обсудив все с папой, мы стали готовиться и собираться к переезду в Белый Берег. Это было не просто, беспокоил вопрос с квартирой, в которой оставалась вся наша обстановка и много вещей. Поселились родственники Н.М.Домбровского, (художника), и мы были спокойны, что сохраняться вещи, которые продать в то время было невозможно.

Примерно в конце января - начале февраля 1921 года мы совершили переезд в свой дом и усадьбу Белый Берег с помощью друзей и нашего кузена Толи Беклемишева. Была, в доме холод и мы устроились жить в 2-х смежных комнатах, которые отапливались печкой - голландкой - в папином кабинете и гостиной, где был камин.

Самое необходимое из обстановки в комнатах осталось - железные кровати, столы и скамейки.

Постепенно крестьяне нам возвращали кое-что из обстановки - шкапы, стулья, и т.д., что вывезли к себе из брошенного, как думали, совсем, дома, в связи с нашим отсутствием с 1918 года. Надо было как-то жить, продуктов никаких у нас не было. Первое время жили обменом последних носильных вещей на молоко, яйца, овощи, хлеба не было. Пришлось ходить в деревню менять и часто впустую. Сначала ходили вдвоём, потом разделили наши дела. Надя была, как мы ее называли, - "добытчицей", т.е. добывала средства к существованию, а я хозяйничала дома. Приехали мы зимой и, чтобы отапливать комнаты, надо было добывать дрова. Мы рубили в нашем лесу не очень толстые березы, дубы, тащили волоком к дому. Потом пилили, кололи и заносили домой. Папа старался тоже помочь, но ему это было трудно, он взял на себя топку печки. С освещением были свои сложности. Керосин можно было купить и не всегда, на станции - Ирша, в 4-х км. Поэтому лампы не зажигали, экономили керосин. Освещались "коптилками", - изобретение тех времен, - в баночку из-под лекарств наливали керосин и в крышечку вставляли фитилек из тряпочки. При таком свете мы умудрялись не только готовить и что-то делать, но и читать. А когда керосин был на исходе, зажигали лучину в камине и так читали и что-то делали. К нам иногда приезжал Толя Беклемишев и ходил менять в деревне вещи - в городе голодали...

Но вот пришла весна - время посевов и посадок. Мы выменяли на что-то картошку и весной 1921 года занялись посадкой картошки на нашем поле. Вскопали землю лопатами,

делали воронки, в которые надо было класть удобрения, так как почва песчаная, а у нас его не было. Бросали картошку прямо в песок - в ямки. А чтобы посадить больше, мы каждую картошку разрезали пополам. Летом эти посадки обрабатывали по всем правилам, - пололи, окучивали, даже несколько раз, а осенью собрали наш первый урожай - не совсем удачный, - картошка уродилась такая мелкая, что чистить ее было бесполезно, от нее ничего не оставалось, варили ее целиком, с кожурой. Но были и этим довольны, так как обеспечили себя на некоторое время своей продукцией. Одно время картошка, даже такая, заменяла нам хлеб.

Через некоторое время мы получили от Сельсовета помощь в виде мешка ржаного зерна, который я потом носила на спине молоть на мельницу.

Вскоре по приезду в деревню, Наде предложили учительствовать в белобережской школе Малинской волости Радомысльского уезда (которую до революции построили благодаря папе, его хлопотам). В школе жили и учили детей - сначала учитель Лисовский, потом старая учительница, в помощь которой пригласили Надю. Надя учительствовала в этой школе 1920-1921 учебный год. Увлекалась занятиями в школе и даже организовала сценический кружок молодежи. Помню, как выступали на каком-то спектакле в школе молодые парни и девчата, зрители-крестьяне были очень довольны.

Тогда же Наде - пришла идея просвещать молодежь, больше общаться с ними и она предложила своим ученикам и знакомым девчатам приходить к нам в свободные вечера посидеть и послушать чтение интересных книг. Некоторым из молодежи понравилась, видно, эта мысль, а может быть из любопытства, и у нас стали собираться парни и девчата, в том числе был парень Петька, которого мы знали с детства, но который потом оказался подлецом.

Устраивались все в большой комнате с камином. Чтение проходило при освещении лучины в камине, комната вся в полумраке. Рассаживались, кто как мог, в основном прямо на полу. Но идея Нади себя не оправдала, чтения продолжались недолго, молодежь в большинстве не слушала чтения, а любезничала в темноте, - парни с девушками. Так эта затея быстро закончилась. Но общения с крестьянами разного возраста у нас были самые доброжелательные, добрые. Нам старались помочь, когда мы обращались за советом по уходу за животными и по работам в поле. К папе тоже приходили поговорить, спросить иногда совета и называли его, по старому "барин", что смущало папу, и он просил звать его по имени и отчеству.

В этом же году 21-м (когда точно не помню) один зажиточный крестьянин из соседнего села Ялцовка, в 5-ти верстах от нас приехал и предложил Наде учить у него дома двух его девочек (школы там не было). Условия он предложил такие: жить у него с питанием

и оплатой продуктами за обучение детей. Надя согласилась и стала жить в семье этого крестьянина - Талдыгина, учить двух девочек, Каждую субботу на воскресенье он привозил на телеге Надю с продуктами, заработанными ею за неделю. Это было для нас всех большой подмогой. Потом Надя почти год работала на станции Ирша в Малинской заготконторе, кажется в бухгалтерии с 22.1У.22 по 8.1У.23

Постепенно мы осваивались и приспособлялись к новым условиям деревенской жизни, учились всем сельским работам. Наш первый опыт с посадкой картофеля весной 1921 года оказался не совсем удачным, отчасти не по нашей вине - не было нужных средств, т.е. - удобрения и хороших семян. Но обрабатывать картофель мы научились хорошо. Папа нас жалел и мечтал иметь лошадь, самую небольшую, хоть какую-нибудь, это было бы большим облегчением в нашем труде. Но эти папины мечты казались нам несбыточными и мы о них не задумывались. А вот иметь корову - это была наша самая насущная жизненная необходимость. Покупать (или менять) молоко не было возможности, средств, тем более, молочные продукты - масло, сметану. Вскоре, наш сосед-белобережец сказал, что наши амбарные весы взял себе зажиточный крестьянин и что за них можно потребовать хорошую плату. Мы воспользовались добрым советом, пошли к этому крестьянину и попросили его вернуть нам весы. Помню и сейчас его фамилию - Карпенко. Это была очень порядочная, многодетная и трудолюбивая семья, которая во времена Сталина, была репрессирована, как кулацкая, что было не справедливо. Семья у Карпенко была большая: 4 сына и 4 снохи, и их дети (внуки), несколько дочерей. С увеличением семьи выстроили во дворе рядом с хатой добротный деревянный дом в несколько комнат под железной крышей (роскошь в те времена), которая выделялась среди хат под соломенными крышами. Карпенко был хорошим хозяином, вся семья трудилась с раннего утра до позднего вечера. Хозяйство у них было, пожалуй, самой большое в деревне - 4 лошади, несколько коров, телят, свиней и прочей живности. Жили они в достатке, хотя земли, как у всех тогда крестьян, было немного. Да и земля в тех местах была песчаная, малопродуктивная, требующая удобрения. Конечно, амбарные весы были так необходимы в его хозяйстве, а т.к. денег у него не было, он предложил нам за весы - молодую тельную корову, которую он купил у папы теленком от нашей породистой коровы (сементал). Мы, конечно, с радостью согласились, и это было начало нашего благополучия. Мы стали ухаживать за коровой в ожидании отела, советуясь с соседками, особенно, когда корова отелилась, как ухаживать за ней и за теленком, как доить и т.д.

Всей этой премудрости мы легко научились, но в основном за животными "смотрела" я, так как Надя, как я сказала, раньше была занята добыванием средств существования.

Благодаря корове, которая давала нам порядочно молока, у нас теперь, главным питанием было молоко и молочные продукты, а также овощи, в основном - картофель. А, как только в саду появились яблоки, мы их снимали еще не созревшими, пекли и ели с молоком, хлеба часто не было.

Летом, когда началась страдная пора, уборка урожая ржи, мы с помощью Максима и Олены нанялись жать рожь у их друзей - крестьян Зарудья. Жать серпом траву мы научились давно, но рожь жать мы умели слабо. Работа эта была очень тяжелая, весь день наклонившись к земле. Жали женщины, они шли рядами, клали каждый срезанный пучок колосьев на землю, а, закончив ряд, собирали эти пучки в сноп, который перевязывали перевяслом из колосьев и ставили сноп на "попа". Мужчины собирали и складывали снопы в копны. Конечно, пользы от нашей работы было немного, мы далеко отставали от ловких умелых жниц, но, всё таки, жали весь день, с трудом перенося боль в пояснице. Все были заняты и, как будто, не замечали нашего неумения, весело и дружно собирались под копной среди поля в час отдыха-обеда.

Вместе со жницами с аппетитом ели их снесь - сало с большими лепешками - "млынцами", молоком. Домой принесли папе лепешки, т.к. хлеба тогда не было, но работа эта была не долгая, дня два, от нас было мало пользы и мы приходили домой обессиленные - болела сильно поясница, спина. Постепенно наше хозяйство увеличивалось - Надя работала у Талдыгина, ей за работу однажды дали маленького поросенка, которого мы кормили, ухаживали за ним и он так привязался, что бегал за мной, как собачка, завели понемногу и кур. Всю эту живность надо было кормить, доставать корм. Весной мы достали у кого-то косы и стали учиться косить траву сначала на полянках, потом на лугу, когда пришла пора косьбы летом.

Крестьяне к нам постепенно привыкали и относились часто как к равным, как к своим девушкам. Даже появились женихи, которые хотели сватать Надю и меня. Одно время к нам зачастил приходиться очень солидный, красивый довольно состоятельный белобережский крестьянин, завидный жених, "первый парень на деревне" - Александр Хмельницкий. Ему, видно, нравилась Надя, он приходил посидеть, поговорить, а иногда и помочь, так он, видя как мы трудимся с очисткой колодца, сам взялся за эту работу, помог нам.

Однажды он зашел к Полине Ивановне и спросил ее, - не пойдет ли за него замуж Надя? Полина Ивановна не знала, как ему ответить, чтобы не обидеть и сказала, что мы пока не думаем о замужестве, хотим еще получить образование и верно, уедем, когда сможем в город. После этого разговора он перестал нас навещать. Были и другие женихи и попытки нас посватать, но не часто и нас это только забавляло, и мы быстро пресекали эти разговоры.

Внешне мы почти не отличались от деревенских девушек, носили почти такую же одежду зимой - ватник, платок на голове, самодельные рукавицы и что-то примитивно-теплое на ногах. Летом ходили босиком и шили сами платья, (все, что было получше, - пошло на обмен продуктов). Сшили из матрасных насыпок, полосатых - костюмчики - юбку и кофту, а из мешковины - платья, которые вышили ирисом - я розовыми нитками, а Надя - сиреневыми. И даже в Киев ездили в таком виде, и, не имея обуви, сшили как выходные тапочки - туфельки из папиного форменного генеральского кителя. Помню, как однажды, приехав в Киев и остановились у Толи, Б., мы с ним вышли утром из дома (он шел на службу), ночью прошел дождь и было мокро на улицах. Тогда я сняла свои "туфельки", чтобы не испортить, шла под руку с Толей босиком по Крещатику, не смущаясь своим видом, также как и Толя.

Хочу рассказать об одном эпизоде, как о примере доброго отношения крестьян к нашей семье. Кажется, это было в первый год по приезде в Белый Берег. Когда летом наступила пора уборки травы - заготовили сена, мы с Надей рано утром в ясный, солнечный день отправились на наш луг (2 десятины), вооружившись косами, которые кто-то нам одолжил. Трава была отличная - высокая, густая. Косить ее было конечно тяжело, но мы старались косить аккуратно, хоть и медленно. А в это же утро вышли косить белобережские крестьяне, - мужчины-косари на соседний с нашим луг, который раньше принадлежал помещику Гринцевичу. Вышли почти все мужчины деревни и дружно принялись косить свой большой луг. Картина косьбы очень красивая, живописная - дружно взмахивая косами, рядами шли сильные, умелые косари, и с каждым взмахом косы, под звуки -жи-жи-жи, ложился ряд срезанной травы. Во время их перекура-отдыха подходили некоторые парни к нашему лугу и, облокотясь на изгородь-жерди, смотрели, как мы трудимся и довольно неумело косим, шутили, смеялись, давали нам советы.

Косить свой луг крестьяне закончили быстро и многие пришли к нам, увидели, что наша работа движается медленно, скошено почти ничего и предложили сразу скосить нам луг. Но мы сказали, что не можем им заплатить за работу. А они, уже смеясь и шутя, принялись косить, говоря: "За нашу работу согласны поестъ яблоки". Мы с Надей помчались домой к папе и рассказали о помощи косарей и что надо за это дать им мешок яблок, - скорее надо их собрать. И как только мы успели сорвать яблоки в мешок, вся компания наших друзей-косарей пришла к нам на веранду. Папа встретил их с благодарностью за помощь и передал им мешок яблок, которые они тут же весело и с аппетитом уничтожили. Расстались мы друзьями, они нам оказали большую услугу - помощь, не знаю, смогли ли мы с Надей вдвоем, даже за несколько дней скосить всю траву. Собрать и сгрести в сено траву уже не

представляло такой трудности. Но трудности были с помещением сена в сарай, приходилось просить помощи у соседей-крестьян, и были другие тяжелые работы. Теперь еще острее стала необходимость иметь лошадь, свой транспорт, о чем все время мечтал папа, жалея нас и желая облегчить нас.

К нам часто, по праздникам, приезжал брат Толя Беклемишев, он менял у крестьян вещи разные и соль на продукты, в городе голодали. В придачу к продуктам Толя брал зерно, и постепенно накопилось его в мешке около 3-х пудов. Толя не скоро собирался его забрать. Иногда мы пользовались этим зерном, но редко, так как Надя работала и доставала немного хлеба или муки.

Деревня не голодала, были свои продукты, но была большая нужда в соли. Её можно было купить только в Киеве, а денег у крестьян не было и они очень мучились.

Крестьяне нашей деревни жили, в основном, не богато, но почти каждое хозяйство имело корову, свиней, которых откармливали на мясо и сало, кур, уток, гусей. Лошадь была не в каждом хозяйстве. И, конечно, имели хоть небольшой участок огорода при доме и поле. Поэтому в те послереволюционные года, начало 20-х, деревня не испытывала голод, имели свои продукты. Но деревня очень нуждалась в то время в других вещах, - особенно в соли. Трудно было купить сахар и кое-что из одежды и все, что необходимо в хозяйстве - денег у них не было, поэтому приходилось им покупать все это на свои продукты. Одежду крестьяне издавна делали сами из льна и конопли, которыми засеивали поля. Растили коноплю и в огороде. Потом сушили и обрабатывали, делали пряжу и нитки, из которых ткали на станках полотна, потом их отбеливали и шили одежду - штаны и рубахи - мужчинам, женщинам, рубахи. Вышивали рубахи крестиком, черными и красными нитками красивые узоры.

Это была издавна национальная украинская одежда, но постепенно жители деревни, особенно молодежь, стали носить "городскую" одежду из разных материалов, а в годы революции купить готовую одежду или материал было очень трудно, вот поэтому крестьяне охотно меняли на продукты предлагаемую городскими жителями всякую, даже поношенную одежду. Благодаря Наде, которая тогда работала - учительствовала у крестьянина Талдыгина, мы не испытывали голода, но были недели, когда хлеба не было и мы больше питались картошкой вместо хлеба. И вот однажды я узнала, что знакомые две крестьянки собираются поехать в Киев за солью, я решила воспользоваться таким случаем и вместе с ними тоже купить соль для обмена в деревне на зерно или муку. Хлеб печь я научилась в русской печи, которая у нас была дома. Папа согласился остаться один, и я отправилась в путь. В Киеве я переночевала у Толи Б., узнала, где можно купить саль, заняла у него денег на покупку и рано

утром купила на Еврейском базаре 20 фунтов соли. И с этим грузом через плечо пошла к вокзалу. Ехала как все тогда "мешочники" в товарном поезде в "теплушках", до отказа набитых людьми и без билетов, даже не зная, когда отправят состав - расписания не было, поезд шел только до ст. Тетерев.

Выйдя на станцию, я увидела знакомых белобережских крестьян, - трех женщин и двух мужчин, тоже возвращавшихся из города с большой ношей за плечами. Я к ним присоединилась, и мы вместе, пройдя по снежной дороге через луг, вошли в лес, было уже темно и морозно. В ту пору в лесах хозяйничали банды, ходить было в лесу небезопасно. Поэтому мужчины предупредили всех, что идти надо тихо, разговаривать вполголоса. Я шла рядом с мужчинами и прислушивалась к их разговору. Это были знакомые, один из них бывший солдат кавалерии Гильчевский и молодой крестьянин, наш сосед Кубицкий.

Они договаривались о поездке в Киев на конскую ярмарку, чтобы купить себе лошадей. Ехать они собирались на этой неделе, а т.к. денег на покупку лошадей у них не было, они говорили, что повезут зерно, чтобы продать на рынке, а потом на эти деньги купить лошадь. У Гильчевского было 5 пудов зерна, у Кубицкого - 4 пуда. И тут сразу у меня возникла мысль поехать с ними и купить для нас лошадь, о которой мечтал папа, и которая была необходима в нашем хозяйстве. Зерна, правда, у нас не было, но дома стоял мешок с зерном пуда 3, который накопил Толя обменом на вещи и не скоро собирался его взять, а мы отдали бы ему потом.

Я вступила в их разговор и попросила их взять меня с собой на эту ярмарку, что мне крайне нужна лошадь.

Мужчины смеялись, думая, что я шучу и мне стоило немало трудов уговорить их поверить, что я действительно хочу купить лошадь. Они сказали, что это дело не легкое, что возвращаться домой надо верхом на лошади 90 верст, и я могу купить лошадь только в том случае, если они купят себе, ведь без их помощи я одна не могу вернуться домой с лошадью. Всю дорогу мы беседовали и наконец, они согласились взять меня в их компанию, обещали через день заехать за мной на санях, взять зерно и поехать на ст. Тетерев. Папа был сначала против моей поездки, но сильное желание иметь лошадь перебороло беспокойство, и он согласился.

Надя ничего не знала, живя в эти дни у Талдыгина. Итак, в назначенный день за мной заехали на санях Гильчевский и Кубицкий, и мы покатали на ст. Тетерев, 12 верст на санях их соседа.

Денег ни у кого из нас не было, да и не нужны были, так как в те времена поездка по железной дороге совершалась бесплатно, билетов не было, ездили в теплушках - вагонах товарных составов. Зерно же возить запрещалось и, когда обнаруживали у кого-нибудь из "мешочников", - отбирали. Поэтому все мешки с зерном мои попутчики-мужчины быстро, стараясь незаметно, перенесли в укромное место на станции, как только мы к ней подъехали, и я осталась возле мешков, а сами они пошли искать товарные составы, идущие в Киев.

В одном из них нашли пустую теплушку и тихо-тихо, как можно скорее перетащили в нее зерно, потом помогли мне взобраться в вагон и быстро изнутри захлопнули дверь на задвижку. Очутились мы в полной темноте, устроились сидеть на наших мешках не разговаривая, бесшумно, чтобы нас не обнаружили и в полной неизвестности, когда двинется состав. Было очень холодно, мороз был порядочный, я одета была довольно легко, особенно по сравнению с мужчинами, - в короткой "стеганке" ватнике и в самодельных (сшитых самой) ботиках, на руках тоже самодельные рукавицы, на голове не очень теплый платок. На мужчинах были овчинные полушубки и валенки. Через некоторое время, когда и мужчины почувствовали холод, стали мерзнуть, зная, как я одета, они посадили меня между собой и закрыли полами своих полушубков. Так мы сидели, плотно прижавшись и грели друг друга всю ночь в полудремоте. Только на рассвете двинулся наш состав и мы рано утром были у Киевского вокзала. Сразу же, как только поезд остановился, мои мужчины соскочили из вагона, осмотрелись и, когда поблизости никого не было, - сняли мешки из вагона, - надо было, как можно быстрее, вынести их на привокзальную площадь, каждому, поэтому, надо было самому нести свою ношу. На спину мне положили мой мешок, сами взяли свои и быстро через пути пошли вперед. Я еле двигалась под непосильной тяжестью, но ко мне уже спешил Кубицкий, он понес мешок к нанятой тележке и мы, как можно быстрее пошли к сестре Гильчевского на Жилианскую улицу, недалеко от вокзала. Нас радушно встретили сестра с мужем, обогрели, накормили и устроили на ночлег в своей единственной комнатке на полу. Рано утром на другой день я побежала к двоюродному брату Толе Беклемишеву, который жил с семьей недалеко в этом районе и рассказала о своем плане покупки лошади, о заеме у него зерна на это дело. Толя, конечно, не возражал против использования его зерна, но категорически был против моего предприятия, называя его безумием. Я успокаивала его и уговорила его дать мне для поездки на лошади какие-нибудь его штаны. А в это время Гильчевский и Кубицкий отправились на Еврейский базар, где продали все 12 пудов зерна, получив за них целый мешок бумажных денег. Дома они их поделили пропорционально количеству зерна каждого участника этой поездки. Рано утром в 6 часов на следующий день

мы втроем отправились на конскую ярмарку. Ярмарка была очень большая - исключительно лошади всех видов. Как условились раньше, мужчины сначала искали купить себе лошадей. Я ждала их, сидя в трактире чайной около ярмарки.

Гильчевский, как бывший кавалерист, купил большую кавалерийскую лошадь, хорошую, но бракованную из-за бельма на одном глазе. Кубицкий тоже купил высокую, очень худую лошадь, вроде кавалерийской, тоже с каким-то небольшим дефектом. Купив лошадей, они привели их, оставили во дворе трактира и пошли со мной покупать мне лошадь. На мои деньги можно было купить, и то с трудом, небольшую, рабочую крестьянскую лошадку. Наконец, нашли такую и договорились с его хозяином. Это была черниговская, рыжей масти, довольно старая, но крепкая лошадка. Покупка сопровождалась ритуалом. Расплачивалась я сама с хозяином по всем правилам: хлопали рука об руку в стоворе о продаже, из подола своего ватничка я передала деньги в подол одежды продавца, он подвел и передал мне лошадь в уздечке и она послушно пошла со мной. Мы снова переночевали у сестры Гильчевского. Предварительно на ярмарке запаслись сеном для корма лошадей и чтобы набить мешки, которые нам заменили бы седла. На следующее утро мы уже отправлялись на наших лошадях верхом в дальний путь. Предстояло проехать до дома - 90 верст. Мне утеплили ноги, обмотав сверху моей обуви - тряпки. На мне был мой ватник, подпоясанный ремешком, под юбкой Толины штаны и сверху на голове - платок, в общем, вид был "художественный". Мне помогли сесть на "Рыжика", как я сразу назвала свою лошадь. На лошадей пристроили наши импровизированные седла - мешки с сеном, лошади были худые, а путь долгий, мужчины вскочили на своих высоких лошадях по обе стороны моей небольшой лошадки и, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы также живописным "эскортом" среди улицы отправились в путь-дорогу.

Когда проезжали шагом через Еврейский базар, люди смотрели на нас с любопытством и удивлением, а мальчишки бежали за нами и восторженно кричали: "Маруся-атаманша!" Перед тем, как отправиться в путь, Гильчевский объявил себя командиром и сказал, что я их товарищ на равных правах и должна слушать его команду.

Когда, проехав по городу до поворота на Брест-Литовское шоссе, подъехали к небольшому трактирчику, Гильчевский дал команду: "спешиться". Надо было закусить, подкрепиться перед дальней дорогой, мне помогли слезть с лошади, мы зашли в трактир, Гильчевский взял три стакана самогона - "чтобы не замерзнуть в дороге", - всем по стакану...

Мужчины сразу выпили, а я "обожглась" при первом глотке (самогон был крепостью спирта). Хорошо закусили черным ржаным хлебом с салом и сели на лошадей. Как только

выехали на шоссе, по командам Гильчевского, мы понеслись на своих "Росинандах" по дороге среди открытых ветру полей, - то рысью, то галопом и шагом. По пути делали короткие остановки немного отдохнуть.

Уже в темноте, проехав 30 верст, мы подъехали к селению. В нем у Гильчевского были знакомые крестьяне. Тут мы остановились переночевать, ехать ночью дальше лесом было опасно из-за встречи с бандами. Знакомые Гильчевского приняли нас радушно, накормили, обогрели и уложили спать нас троих в ряд на полу, сами хозяева спали на печи. В хате была одна комната с большой русской печью. Проснувшись рано утром, я узнала, что Кубицкий ищет в селе одолжить сани и упряжь, так как дальше он не мог ехать верхом, был разбит ездой на своей худой лошади. Мне тоже было тяжело ехать, наши "седла" - нам мало помогали, но я крепилась и не жаловалась. К большой радости удалось одолжить сани. В них впрягли двух больших лошадей, а Рыжика привязали сзади. Выехали из села утром и ехали большую часть пути лесами, с опаской не попасть бы в руки бандитам. Но наше путешествие закончилось благополучно и, проехав верст 60, мы подъехали в 11 часов ночи к деревне Белый Берег, сначала к нашей усадьбе. Я распрощалась со своими друзьями - мужчинами и повела Рыжика к дому. Папа радостно меня встретил, был поражен и обрадован, увидев меня с лошадей. Он был счастлив, что моя затея с покупкой лошади закончилась "блестяще" и мечта его осуществилась.

Эти воспоминания со всеми подробностями моей поездки и покупки лошади с двумя молодыми белобережскими крестьянами вызывают у меня сейчас разные чувства и мысли: во-первых, - как я смогла проявить смелость, даже безрассудство, по мнению нашего кузена Толи Беклемишева, отправившись и доверившись людям, которых я мало знала и редко встречала в деревне. К тому же я по своему характеру была тогда застенчива и робка. Во вторых: поражает, особенно в наше время (прошло 67 лет), - высокая нравственность, доброта, уважение и порядочность, проявленные по отношению ко мне простыми крестьянами во все время нашей совместной поездки в разные моменты рискованного и даже опасного пути.

Объясняется это, по-видимому, патриархальными устоями крестьянской семьи и заповедями религии.

Итак, мечта папы стала реальностью, у нас лошадь! С ее появлением в нашем хозяйстве, наряду с облегчением, прибавилось забот и работы. В основном, за животными ухаживала я, так как Надя подолгу отсутствовала, зарабатывая "хлеб насущный" - учительствуя в Белобережской школе в крестьянской семье, а потом работая на ст. Ирша (об

этом я писала выше). Поэтому хозяйство, уход за коровой, лошадью, за поросенком - были моей работой. Для того, чтобы подоить корову, накормить ее и лошадь, рано утром, приходилось вставать зимой не позже 6 часов, а в летние месяцы выпаса скота я вставала в 3 часа утра, чтобы успеть подоить и выгнать корову к стаду, которое пастух гнал мимо нашей усадьбы из деревни. Я хорошо научилась доить корову, молока она нам давала вдоволь. Это было тогда основным нашим питанием. Корова была нашей кормилицей.

Эти годы жизни 1920-1923 гг. в Белом Береге были настолько наполнены нашими жизненными событиями, что я не могу сейчас вспомнить их последовательность, могу ошибиться. Помню приблизительно, что в эти годы - в 1921 (или в начале 1922), точно не помню, в Белый Берег переехала жить с нами моя крестная Полина Ивановна Данилькевич, друг нашей семьи. Приехала она из г. Шпола, Подольской губернии, где она заведовала сиротским приютом и ушла, проработав там много лет. Она была одинокой и согласилась на наше приглашение жить с нами, как член нашей семьи, мы все ее любили и уважали. В нашем белобережском доме она стала заботливой хозяйкой, обеспечивая ежедневным приготовлением еды, помогая папе и мне с Надей в домашних делах.

Рыжика я купила до приезда Полины Ивановны, он прожил у нас примерно 1½ года. Ко мне он относился терпимо, слушался, хотя злился, прижав уши, желая меня лягнуть. Характер у него был трудный, упрямый, норовистый, злой. Но лошадь была умная, хорошо соображала. Я с ним смело обращалась, не боялась, запрягала в сани, в бричку, летом ездила верхом купать его в речке, чистила скребцем, не боясь, что он лягнет или укусит. Он меня хорошо знал и не обижал, как и я его. Надю он не признавал и два раза пугал, став на дыбы и оскалив зубы, когда она хотела запрячь его в сани.

Рыжик очень помогал в нашем хозяйстве, - дрова привозил из леса, вспахивал поля и огород, несколько раз в эти годы возил Продналог за 15 верст в волостной местечковый город Малин. Продналог обязаны были сдавать государству тогда все сельские хозяйства в зависимости от их состояния, мне помнится, что мы возили сдавать сено, туго связанное, по весу, и еще что-то, чего не помню. В первый год существования у нас Рыжика, мы вдвоем с Надей поехали в Малин сдавать продналог. Это было зимой в конце 21-го года (кажется). Привожу здесь дальше записи воспоминания Нади об этой поездке.

"Выехали утром на санях, погода стояла хоть и морозная, но солнечная. В Малике удалось освободиться от дел около 4-х часов дня. К тому времени надвинулись тучи, все кругом помрачнело, надо было торопиться домой. Проехав 2/3 пути и миновав деревню

Ялцовку, и выехав для сокращения пути с проселочной дороги напрямик лугом, мы буквально через минут 10 попали в снежную пургу, из-за которой потеряли ориентиры. Все заволокло снежной пеленой, в двух шагах не было видно ни зги, кругом сыпал завесой густой снег. Впервые в жизни мы испытали, что такое метель. Рыжик утонул в сугробах, не хотел идти, как мы его не понукали. Мы замерзли, топчась на месте, впали в отчаяние. Так мы кружили возле саней и Рыжика больше часа, не зная, что делать, видя безвыходность положения. Рыжик вел себя, как всегда, независимо, на все наши мольбы и угрозы, попытки силой сдвинуть его с места, отвечал упрямым упорством, продолжая стоять с опущенной головой и прижатыми к затылку ушами. А снег сыпал и сыпал. И вот, внезапно снег прекратился и тучи как не бывало. Мы увидели себя рядом с Рыжиком в сугробе у края реки, куда не хотел ступить и шага умный Рыжик. Мы увидели вдали мост через реку. Всем нам стало веселее, Рыжик наострил уши и поплелся в сторону моста, с трудом прокладывая колею в глубоком снегу. Проехав через мост, мы въехали в лес, нам оставалось преодолеть верст пять, чтобы добраться домой. Но какие это были трудные версты - снежная целина! При въезде в лес встретились с санным экипажем фаятоном в упряжке 2-х лошадей. Кто там ехал, не помню. Помнится, что экипаж остановился и ямщик, потерявший дорогу, спросил у нас, куда он заехал и как ему лучше достичь ближайшего селения. Мы указали дорогу до деревни Белый Берег, а сами по проложенной экипажем колее с величайшим трудом, часто подталкивая сзади сани, продолжали это, казалось бы небольшое расстояние до Белого Берега. Рыжик выбивался из сил, еле еле передвигая ноги, часто отдыхая.

В результате мы доплелись домой ночью. Деревня Б.Б. была вся объята сном и тишиной. У папы горел свет, он волновался, не ложился спать, поджидая нас. Мы радостно встретились, оставив позади треволения прошедшего дня.

Вспоминается еще один эпизод с Рыжиком. Однажды к папе явился староста деревни Белый Берег и объявил, что поскольку у нас есть лошадь, а владельцы лошадей обязаны нести гужповинность в порядке очереди, нам предстоит в этот день вести нескольких красноармейцев в село Кухари за 9 верст. Надя в это время жила у крестьянина Талдыгина за 5 верст от нас, папа был стар и плохо себя чувствовал, и я взялась сама выполнить эту повинность, еле уговорив папу не ехать. Пока я запрягала Рыжика в сани, староста привел к нам 4-х красноармейцев, здоровенных парней. Мы, все пять человек, сели в сани-розвальни и выехали на дорогу-тракт, который проходил между полями и лесами, минуя в пути две деревни. Дорога была снежная, холмистая. Рыжику было тяжело вести пять человек, и он плелся шагом. Красноармейцам это не нравилось и они стали его понукать, отобрали у меня

вожжи и подстегивая его кнутом, заставляли бежать рысью, Я возмутилась, выхватила вожжи, остановила лошадь и сказала, что дальше я их не повезу, если они будут заставлять бежать мою старую лошадь, которой не по силам вести столько человек. Мое смелое поведение, решительность в пресечении попыток гнать лошадь, заставили красноармейцев притихнуть и вызвали у них уважение ко мне и моей лошади,

В тех местах, где дорога шла в гору все они по собственной инициативе слезали с саней и даже подталкивали, помогая лошади. Так, мирно, мы проехали 9 верст до поселка Кухари и расстались там друзьями.

Обратный путь я приехала в одиночестве уже в глубоких сумерках. Папа очень волновался в ожидании меня и моим долгим отсутствием. Он радостно меня встретил и успокоился, что все закончилось благополучно.

В те беспокойные двадцатые годы становления Советской власти возникали в разных местах вооруженные банды, которые нападали на села и деревни и даже врываются в города, грабили и чинили расправу над жителями. Против этих банд (они носили разные названия по имени их вожаков: "банда атамана Маруси, банда "Деда". И - широко известная многочисленная банда Махно и др.) Против этих банд направлялись отряды красноармейцев из разных частей Красной Армии. А, так как не было транспорта для их переброски в места, где хозяйничали банды, эту обязанность заставили выполнять жителей сел и деревень. Так появилась "гужповинность" и повинность "постоя", - когда надо было давать ночлег и отдых красноармейцам. Вот такие повинности обязаны были выполнять и мы, как члены сельсовета. Пришлось возить красноармейцев в основном мне, так как Надя в этот период часто отсутствовала, и я жила вдвоем с папой, а потом и с Полиной Ивановной. Возили красноармейцев за 7, 9 и за 12 верст до станций и мест их сбора.

На постоя приводили к нам красноармейцев по одному или по несколько человек. Вели они себя спокойно и нас не обижали, за исключением нескольких случаев. Так, однажды, привели к нам под вечер одного красноармейца, кажется сержанта. Я показала ему комнату, где он может расположиться и ушла. Он, ни слова не говоря, уселся за стол, треснул по нему кулаком и повелительно крикнул: "Я жрать хочу". Я принесла и поставила перед ним миску с нашей мелкой картошкой, сваренной в кожуре, - то, чем мы тогда питались. Он зло отшвырнул миску, выругался и пошел в комнату, и слышно было, с какой силой и раздражением летели его сапоги об стену. Но такой эпизод был однажды, обычно красноармейцы вели себя прилично, тихо, не требовали кормить их, видимо, понимая тяжелое положение того времени. Вот так, порой приходилось нам сталкиваться с риском и

опасностью, но я не испытывала страха и была уверена, что ничего не случится, - так и было во все года нашей жизни в деревне...

Мы постепенно осваивались с условиями деревенской жизни, очень трудной в те революционные годы, особенно для нас, городских жителей. Но мы довольно быстро научились премудростям сельской жизни. С городом связи почти не было, изредка мы с Надей ездили в Киев по каким-нибудь делам. Папа в город не ездил. Приезжал к нам чаще Толя Беклемишев, привозил газеты и свежие новости о событиях в стране и городе, менял вещи на продукты. С Колей и Верой никакой связи не было, с Верой с 1918 года, со времени ее замужества и отъезда в Грузию. Почтовая связь в те годы была прервана.

С Колей и Варюшей мы расстались в Ростове-на-Дону в январе 1920 года и с тех пор ничего о нем не знали, - где он, жив ли? И вот лишь 1922 год принес нам счастливые вести: Вера смогла, наконец, найти нас и написать, и у нас наладилась переписка. Вера тогда жила в Тифлисе с Мишей, который, как старый большевик, работал в ЦК Грузии. Весной 1922 года она с Мишей посетила нас, познакомилась с нашей жизнью в деревне. Обсудив сообща нашу жизнь и дальнейшие перспективы, которые представлялись неясными и лишенными возможности жить в городе. Вера предложила всем нам переехать в Грузию, жить вместе с ними. Сколько я помню, папа был не против этого предложения, но, по его мнению, осуществить его можно только в полной уверенности благополучного устройства жизни сообща с Верой и Мишей. Поэтому он хотел предварительно просто поехать и посмотреть, сможем ли мы жить в новых неизвестных условиях и климате чужой страны. И, чтобы совершить такую поездку, надо было время для того, чтоб обеспечить сохранность нашего деревенского хозяйства, подготовиться материально.

В Киеве еще сохранилась наша квартира на Кругло-Университетской, а в ней порядочно мебели и кое-какие вещи. Пока все это было цело, так как удалось найти надежных жильцов - родственников художника Николая Мартыновича Домбровского. Поэтому Вера с Мишей смогли остановиться в этой квартире. Вера в Киеве консультировалась у гинеколога, выясняя свою бездетность, ведь у неё с Мишей не было детей, о которых мечтала. Мы пока не имели возможности вернуться жить в городе, в нашей квартире, и все пока было неясно. Вера предложила продать часть ненужной мебели и, получив на это согласие папы, она совершила эту продажу, а чтобы сохранить наиболее ценное, что там оставалась - наш старинный, фаянсовый столовый сервиз, Вера повезла его в Тифлис в сундуке и таким образом сохранила его нам-сестрам, детям и внукам. Этот сервиз привез из Англии нам дедушка Модест Алексеевич (в 19 веке), он состоял из 260 предметов и был разделен между детьми. В нашей

семье было, примерно, 50 предметов этой посуды, в том числе громадное блюдо, которым никогда не пользовались, и оно стояло под буфетом. Май месяц 1922 г. принес нам еще одну огромную радость - мы встретились с братом Колей. Встреча была потрясающе неожиданной и радостной.

Коля совершал нелегальное путешествие из Парижа в Москву через Киев. Каким-то образом, верно, от Толи Беклемишева, он узнал, что мы живем в Белом Береге, и назначил нам, через кого-то, свидание в Киеве, мы с папой поехали, очень взволнованные этим известием, строго соблюдая конспирацию, об этом нас предупредили. Встреча была волнительно радостной в маленьком, незаметном кафе (не помню на какой улице). Когда мы зашли в кафе, навстречу нам шел высокий мужчина с темными бородой и усами, в черных очках, в потрепанном старом чёрном пальто. Мы не сразу узнали в нем Колю (такова была его маскировка). Мы вели себя сдержанно, стараясь не обращать на себя внимание, за отдельным, отдаленным столиком. Свидание наше было не долгим, Коля торопился, но успел кратко рассказать о своей жизни - отъезд из Ростова н/Д, из Новороссийска вместе с Варюшей на пароходе в Константинополь, потом Чехословакия, Германия и Франция.

О тяжелой жизни в Париже, в эмиграции без средств и слабом знании языка. Приходилось выполнять различные работы - чернорабочим водителем такси и, наконец, журналистом в эмигрантской газете "Новое время". Перенес большое горе - в первый же год в Париже умерла Варюша от неудачного аборта, он очень тяжело перенес это несчастье. Просил нас сообщить об этом матери Варюши Марии Константиновне Неклюдовой, которая жила в Киеве с младшим сыном Павлушей. Коля расспрашивал нас о нашей жизни, о маме и был глубоко опечален рассказам о смерти мамы в Ростове н/Д в 1920г. Посидев и поговорив недолго с Колей, мы расстались на долгие годы - около 45 лет, ничего о нем не зная и не имея от него вестей, думали, что его нет в живых. И вдруг совершилось чудо - Коля нашел нас через международный Красный Крест в Женеве в 1966 году, написал нам с братской любовью доброе письмо из Америки, где он жил с семьей с 1941 года. У нас началась переписка, и Коля пригласил нас трех сестер приехать к нему в Америку увидеться после долгих лет разлуки. Мы с радостью согласились, но, к большому огорчению не смогла в то время поехать Надя, она заболела, а документы на дорогу самолетом уже были оформлены у меня и Веры и мы, не задерживаясь, полетели вдвоем осенью в сентябре 1967 года на три недели. Об этой поездке пишу дальше. Я составила записи по дневникам, который вела Вера и я.

Брат Коля - Николай Платонович ВАКАР
Профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы
Колумбийского Университета,
г. Колумбус, США.

Веру беспокоило, что я, живя в деревне, не могу учиться, получить специальность и, пока папа решал вопрос поездки к Вере в Тифлис, она вторично приехала за мной в начале 1923 года (в начале февраля или конце января). И начался новый период моей жизни в солнечной Грузии. Уезжая с Верой, я надеялась, что папа с Надей вскоре приедут по приглашению Веры в Тбилиси, и мы снова будем вместе.

Деревенской жизни я сказала "прощай" с сожалением и грустью, ведь расставалась я с этой жизнью навсегда. За последние года в деревне мы ближе узнали быт крестьян, сблизилась с ними, со многими подружилась. Расставалась с нашим "райским уголком" -

усадьбой, "Белым Берегом", который и в эти трудные революционные годы оставался для нас дорогим и любимым. После моего отъезда из Белого Берега папа с Надей и Полиной Ивановной продолжали жить в нашем белобережском доме и усадьбе. Надя продолжала работать на станции Ирша счетоводом в маленькой заготконторе до 8 июня 1923 года.

Итак, - я в Грузии, в Тбилиси, с Верой и Мишей в их небольшой 2-х комнатной квартире, в доме по Габаевскому переулку (недалеко от Верейского спуска).

Я постепенно осваивалась в незнакомом городе, привыкала к людям, климату города. Вера полностью вошла в ритм жизни Грузии, прожив уже 5 лет. За это время она научилась языку, приобрела друзей и училась на курсах французского языка. Миша, как "старый" большевик, работал в ЦК партии на должности, кажется, секретаря. Миша был хорошим человеком, добрым, гостеприимным, и я чувствовала себя свободно в их семье. Сообща решали, где мне учиться, куда меня влечет.

Я мечтала только о получении художественного образования, но поступить в середине учебного года никуда нельзя было, а, пока, нашли художественную студию, которую организовал известный художник, профессор Мосе Тоидзе. Меня приняли, и я начала там заниматься. Рисовали больше натюрморты, портреты, позируя по очереди. Рисовали карандашами и красками, как кто хотел. Профессор Тоидзе приходил ненадолго и не всегда. В студию я ходила с удовольствием, там была атмосфера увлечения искусством и дружелюбия.

Студийцев было человек 10-12, больше грузин, армян. Был русский Коля Чернышков, он увлеченно занимался рисунком и проявлял большие способности. Неожиданно он перестал посещать студию, но вскоре появился очень оживленный и рассказал, что он допущен посещать рисовальный класс в Академии Художеств. Разрешил ему заведующий этим классом, профессор И.А.Шарлемань. Чернышков рассказал, как ему это удалось и я, воодушевившись его рассказом, решила тоже "попытаться тем же путем". Захватив свои рисунки, я отправилась, как объяснил Чернышков, прямо на квартиру профессора Шарлемань. Помню дом-особняк, во дворе по улице, кажется, Банковской. Шла я туда со страхом и душевным трепетом. Но стремление попасть в Академию Художеств превозмогло страх и сомнения. Открыл дверь и пригласил меня зайти высокий, худой, приятной наружности сам профессор Иосиф Адольфович Шарлемань. Я представилась ему и робко объяснила, с какой просьбой я к нему обращаюсь. Он взял мои рисунки и назначил зайти к нему на следующий день. И этот день был счастливейшим - профессор разрешил посещать его класс, а весной, после успешной сдачи вступительных экзаменов, я могу быть зачисленной студенткой Академии художеств в первый его рисовальный класс.

Со студией я распрощалась в конце марта, позанимавшись там около месяца и уже с начала апреля стала ходить в Академию до вступительных экзаменов в конце мая. Экзамен продолжался 4 дня - рисовала углем с натуры портрет старика-нищего и итальянским карандашом голову Дианы. Экзамены я выдержала и была зачислена студенткой в класс Шарле. Я была счастлива: мечта моя сбылась. И вдруг случилась беда со мной и Верой - мы заболели.

В Тифлисе в июне появилось много черешни, и я с Верой, купив ее на рынке, не удержались и лакомились по дороге немойтой ягодой. В результате - обе заболели в один день с высокой температурой, сильной головной болью. Врач, после исследования, определил брюшной тиф. И, как раз, в такое неудачное время, в конце июня 1923г. приехали папа с Надей. Стояли жаркие дни, в маленькой квартире тесно и душно, мы с Верой лежим больные. Наде пришлось за нами ухаживать, заниматься хозяйством, питанием. Миша мало помогал, был занят на работе. Папа мучительно переносил изнуряющую, непривычную жару, плохо себя чувствовал. Поэтому, как только я с Верой стали поправляться и уже не нуждались в Надином заботливом уходе, папа решил больше не оставаться в Тифлисе и вместе с Надей отправился в обратный путь - в Киев и папа вернулся жить в Белом Береге.

Таким образом, папа отказался от переезда и жизни в Грузии. Он с Полиной Ивановной продолжали жить в налаженном своем деревенском быту.

Надя же, как давно это ей хотелось, уехала в начале 1924 г. в Киев и поступила работать счетоводом на завод "Юрмаш" на Подоле. В свободные, выходные дни Надя навещала папу и Полину Ивановну, чтобы повидать и помочь в их небольшом хозяйстве.

Но жить в Белом Береге папе пришлось недолго. Вскоре он расстался навсегда с местами, в которых он создал чудесный "уголок" - усадьбу за много лет, вложив в это свои силы, труд, умение и любовь, где вся наша семья наслаждалась летним и зимним отдыхом среди красивой природы и созданных папой удобств. Папу выселила из Белого Берега в 1925 году Советская власть в лице местных сельских властей, как помещика, хотя все крестьяне, местные жители деревни знали его, как дачника.

А чтобы ясно представить причину выселения папы из усадьбы Белый Берег, в 1925 году, возвращаюсь к событиям 1922 года, которые доставили папе много тяжелых и горьких переживаний.

Примерно в середине 1922 года (точно не помню даты), когда мы с папой уже жили в Белом Береге, к нам неожиданно явился папин бывший сослуживец по Земству, некто Акулов.

Еще до революции он проездом бывал у нас летом в Белом Береге. И теперь папа был рад встретиться с ним, вспомнить прошлое, поговорить о текущих делах и событиях. Живя в деревне, папа лишен был такой возможности. Как оказалось, Акулов не мог получить работу в городе, мешало его прошлое, и он искал работу и пристанище в деревнях. Папа радушно предложил ему пожить временно у нас, пока он не найдет работу и жилище.

Акулов поселился у нас в маленькой Колиной комнате. Днем он исчезал, ходил и ездил по деревням, заводил знакомства, особенно с крестьянами местной власти, старался войти в их доверие и среду. "Подружился" с первым комсомольцем Петькой, которого мы знали с детства из среднего, даже бедного, достатка семьи.

Комсомол организовался в д. Белый Берег впервые и возглавлял его Петька. Акулов сумел сговориться с Петькой и его родителями, сосватал молоденькую сестру его 17-летнюю девушку против ее воли. Он привел свою жену к нам, в комнату, которую папа временно ему предоставил (конечно, бесплатно). Эта бедная девушка заливалась слезами, порывалась уйти, но Акулов держал ее крепко, уходя запирали в комнате. Но, однажды, ей удалось удрать через окно и больше она не появлялась.

Папа был возмущен женитьбой и поведением Акулова и попросил оставить комнату, найти с женой другое место жительства. Акулов оказался подлым человеком, решил папе отомстить (за требование уйти из нашего дома). Он настраивал жителей деревни, в особенности, местные власти и комсомол в лице Петьки против папы, выставляя его, как помещика, чуждого революции. Видно ему удалось убедить в этом малограмотных и малознающих властей, чтобы выселить папу, как помещика из его дома и усадьбы.

Таким образом, папа и Полина Ивановна покинули Белые Берег в 1925 году, остались без жилья и средств. В то время папа и Полина Ивановна получали от Советской власти пенсию по 15 рублей в месяц, фактически ничего. Оба были уже старыми - папе было тогда больше 70 лет.

В этот тяжелый момент Надя помогла папе и Полине Ивановне переехать в Киев, нашла им небольшую 2-х комнатную квартиру и поддерживала материально. В этот период и Вера с Мишей помогали папе денежно.

На этом история жизни в деревне в самые трудные в стране и для нас года закончилась для нашей семьи печально и несправедливо, доставила папе много горьких, тяжелых переживаний. Ведь папа много делал добра крестьянам, работая в Земстве, о чем помнили белобережские старые люди и молодые, которые учились в школе, построенной благодаря папе, и существующей по сей день.

Об этом рассказала Наташа (дочь Нади), когда ездила в 1979г. посмотреть места нашего счастливого детства. Там она увидела только здание действующей школы, а от нашей усадьбы ничего не осталось, кроме наших добрых воспоминаний, - все заросло кустарником, - ни дома, ни сада - ничего! На месте холмистого поля сделано кладбище.

Переехав в Киев из Белого Берега в 1924 г., Надя снимала комнату и работала на заводе "Юрмаш" с 15.У.1924 года до 6.У.1930г., сначала счетоводом, потом бухгалтером. В эти годы жизни в Киеве Надя познакомилась с Лапиным Александром Кондратьевичем. Они полюбили друг друга и поженились в 1927 году.

А.К.Лапин по специальности агроном-селекционер, занимал должность. директора института сахара, коммунист, партийный работник.

В 1930 году его перевели в Москву в ВАСХНИЛ на должность начальника отдела. Таким образом, вместе с ним переехала в Москву и Надя, и работала экономистом в Наркомтяжпроме.

В Москве в 1931г. 22-го декабря Надя родила дочь Наташу, которая вскоре заболела и к Наде приехала, по ее просьбе, в 32-м году Полина Ивановна, которая выходила Наташу и осталась жить с Надей и Наташей, которая звала ее "бабой" и очень любила, как и Полина Ивановна ее, как внучку. Но жизнь с Александром Кондратьевичем у Нади не сложилась и в 1933г. они развелись, и Надя уехала в Тбилиси к Вере с Наташей и Полиной Ивановной.

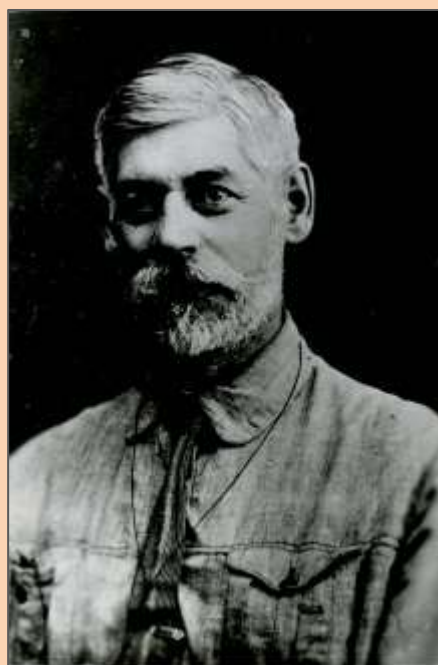
На этом я заканчиваю свои воспоминания о моей Вакаровской семье. Хочу, если успею, продолжить записи второй части воспоминаний о жизни и судьбе каждого из нас - детей: брата Николая и трех сестер большой семьи Вакар, и моей жизни с 1924г.

Алексей Алексеевич Вакар.

Окончил Военно-медицинскую Академию в Петербурге.

**Работал в Смоленске земским врачом. С 1941г. работал в Саратове, а затем в
Киеве терапевтом. Умер в 1962г.**

Платон Алексеевич ВАКАР (1873-1943).

Окончил Петербургский Университет.

Работал в Земстве в отделе Народного образования в г. Смоленске.

Я, Вакар Модест Иванович, сын Ивана Модестовича, внук Модеста Яковлевича Вакар, представитель древнего рода, происхождение которого теряется в глубокой древности. В нашей семье хранилась история рода Вакар. Это была рукописная тетрадь, переплетенная в красный сафьян с золотым тиснением. К сожалению, она не сохранилась. Я имел возможность не только держать ее в руках, но и несколько раз читал. В связи с тем, что возраст у меня преклонный и, как выясняется, ни у кого из родственников достоверных сведений о происхождении рода нет, я решил сделать это заявление.

Согласно легенде, которая записана в этой истории, родоначальником рода был римский центурион Корвин Вакар. Кончив службу, по каким причинам я не помню, по-моему, что-то не поладив с начальством, он ушел далеко на север и поселился в горах, основав там род. Потомки его жили в лесах Карпатских гор, занимаясь охотой, скотоводством. Перекликались они с помощью крика ворона, это был родовой крик.

Дальнейшая история мне не запомнилась, но помню следующее. Один из потомков в период австрийского владычества этой территорией бежал в Польшу, там не ужился и перебежал из Польши на Русь к Ивану Грозному. Поступил к нему на службу в войска. Отличился в сражении под Казанью и взятии Казани, был отмечен Иваном Грозным и пожалован поместьем и другими, характерными для того времени, отличиями. Это то, что записано и запомнилось мне в летописи.

Имя Вакар, бежавшего в Польшу - Николай. В родословной, которая приложена была к истории рода, прямо и записано: протопляс рода Николай Вакар. В настоящее время известно очень большое, разветвленное семейство Вакар. Все они, судя по родословному дереву, которое было приложено к упомянутой мной истории рода, а также хранится в архивах Ленинграда, происходят от одного и того же Николая.

Вот, коротко, что я запомнил из этой истории. Написана она была красивым почерком, но не настолько старинным, чтобы нельзя было разобрать современному человеку. И слог тоже самое - был вполне понятен, во всяком случае, для меня. Может быть этому помогло то, что я в свое время знал немножко церковно-славянский и свободно читал на этом языке. Написана была в стиле старинных русских рукописей, с красивыми заглавными буквами и многокрасочными заставками. Были ли в истории какие-либо ссылки на другие документы и датирована ли она, когда была написана - я не помню. Был я тогда недостаточно взрослым,

чтобы обращать на такие, в общем-то важные, моменты внимание. Прошла история в 30-х годах этого столетия и все, что я запомнил - я изложил.

Что мне хочется добавить к сказанному. Во время Великой Отечественной войны помощник начальника штаба полка, в котором я служил, во время поезда на фронт вынужден был заночевать высоко в горах в Карпатах в маленькой деревушке, настолько маленькой, что комендантом в ней был сержант и с ним два инвалида. Сержант предложил ему ночлег в доме священника. Священник принял его очень любезно и представился - Вакар. Он страшно удивился и сказал: "А у нас старший врач полка - Вакар". Это священника не удивило. Он расспросил его, откуда и что. Узнав, что мой отец родился в Сибири, сказал: "Это весьма возможно, в старину бежали многие от нас на Русь, опасаясь от иноверцев и преследований католических священников, которые пытались насаждать католицизм. Кстати, священник этой деревни был православным. Он сказал интересную вещь, что деревня называется Вакаровка и живут в ней Вакары, почти 100%. Сейчас стали появляться люди других фамилий, но до войны были только одни Вакары, причем в большей или меньшей степени родства состоявшие между собой. Вот это интересный момент. Дальше, в гербе Вакаров имеется в центре ворон, сидящий на суку и держащий в клюве кольцо. Я уже упоминал, что, судя по легенде, которая была в истории, родовым кличем был крик ворона. Это первое. Второе. Родоначальник легендарный был Корвин Вакар. Корвус - по латыни ворон. Корвин, видимо, тоже ворон. Что касается Вакар или Вакар, то это явно латинского происхождения слово. И в настоящее время в латино-язычных странах можно встретить: "вакаро", "вакоро", "вакаresco" и сходные произношения, причем все они имеют касательство к людям, занимающимся скотоводством, в частности, разведением и пастбой крупного рогатого скота. В переводе на русский язык это слово означает "коровник" - коровий пастух. В легенде было написано, что занимались охотой, а также разведением скота, который пасли в горах Карпат. Вот те сведения, которые у меня имеются.

К этому могу добавить следующее. Николай Платонович Вакар, потомок одной из ветвей семьи Вакар, в своем письме, написанном незадолго перед смертью, написал, что по его сведениям, во время 1 Мировой войны (он воевал на южном фронте, румынском) недалеко где-то в горах была деревня Вакаровка. То есть он подтверждает те данные, которые сообщил перед этим я.

Среди довольно многочисленных Вакаров, с которыми приходилось встречаться мне, с одной стороны как-будто бы просматривались в ряде случаев явные родственные связи, с другой вообще трудно было что-либо установить, какую-либо родственную, кровную связь с

этими представителями. Судя по рассказу этого священника, можно заключить, что, видимо, не один Вакар бежал в свое время из Вакаровки на Русь или в Польшу, акклиматизировался там и, следовательно, появилось его потомство. Таким образом, различные теории, между прочим, предположения о литовско-польском происхождении семьи Вакар, они, вероятно, не лишены основания и относятся к различным ветвям этого многочисленного и когда-то могучего рода. Еще хочу сказать, что особо было подчеркнuto в летописи, что Вакары отличались храбростью, преданностью Родине, верностью своему слову. То, что я могу сказать о тех Вакарах, которых я встречал, эта черта, видимо, передается по наследству. Во всяком случае, все они всегда производят крайне приятное впечатление на окружающих и вызывают уважение своим поведением и постоянством своего характера и верностью слову. Кроме герба в семье родного брата отца, старшего брата, был еще один предмет, к сожалению тоже не сохранившийся. Это железное кольцо с печаткой. На печатке были изображены ворон, сидящий на суку, т.е. именно тот элемент, который и находится в центре герба. Остальные аксессуары: львы, перья, короны и пр., видимо, это уже дальнейшее украшение, которые появились в результате работы геральдиков, которые родовой знак превращали в герб в соответствии с принятыми в те времена требованиями.